

Петров Н.В. Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии

Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!

И. Сталин¹

Вынесенные в эпиграф сталинские слова были публично произнесены в момент наибольшей для СССР опасности. Это было время, когда немецкая армия стояла у стен Москвы и исход войны еще не был ясен. Сталин клялся, что СССР не намерен навязывать свою волю и политическую систему славянским и другим народам Европы. Но это был лишь пропагандистский ход. А каковы были истинные намерения Кремля? Согласно воспоминаниям югославского коммуниста Милована Джиласа, позднее в кругу своих соратников Сталин высказывался откровеннее и совершенно в ином духе: «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может»^{II}. Таковы были истинные цели послевоенной политики СССР в Европе. В намерения Сталина входила советизация не только всех занятых Красной Армией территорий Восточноевропейских государств, но и Советской зоны оккупации Германии, а в перспективе и всей Германии. Эту мысль советский вождь ясно высказал летом 1946 г. в Кремле в ходе беседы с болгарскими и югославскими руководителями: «...вся Германия должна быть нашей, то есть советской, коммунистической»^{III}. Как отмечал в своих мемуарах Джилас, подобные заявления Сталина были следствием «опьянения военными победами» и надеждой на экономический и политический распад Европы^{IV}.

Однако реальный расклад сил в послевоенной Европе не позволил Сталину моментально реализовать этот замысел. От некоторых экспанси-

^I Доклад на торжественном заседании в Москве 6 ноября 1941 г. (Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 62-63.)

^{II} Эту фразу Сталина, сказанную 11 апреля 1945 г., приводит в своих воспоминаниях М. Джилас. См.: Djilas M. Gespraechе mit Stalin. Stuttgart [O. J.]. S.139. Цит. по книге: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С.78. В русском издании мемуаров Джиласа слова Сталина приведены в иной редакции: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». (Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.)

^{III} Югославские и болгарские руководители находились в одно и то же время в Москве — в начале июня 1946 г. Болгарскую делегацию Сталин принимал в Кремле 6 июня, а югославскую — 10 июня (Исторический архив. 1996. № 4. С. 125.).

^{IV} Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 110.

онистских планов, например в отношении Финляндии, пришлось отказаться. Позднее Сталин сожалел как о допущенной ошибке, что не оккупировал Финляндию: «Мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили»^I. Тем не менее на заключительном этапе войны «вместе с Красной Армией за пределы Советского Союза стала выходить его политическая система»^{II}, что означало приход к власти в освобождаемых от гитлеровской оккупации странах коммунистических партий и руководимых ими политических блоков. Двигавшиеся вслед за войсками Красной Армии советские карательные органы — НКВД, НКГБ и СМЕРШ — были призваны подавить любое сопротивление насаждаемой Кремлем власти и проводили широкие репрессии против «нежелательных элементов». Применение насилия в деле общественного переустройства находилось в полном соответствии с политической доктриной и практикой коммунистического движения^{III}.

Как только Красная Армия перешла границы Германии, перед советским командованием встал вопрос об установлении контроля на занятых территориях и управлении ими. Эта проблема возникла уже в октябре 1944 г. в Восточной Пруссии. И хотя формально будущий статус этих земель еще не был определен, Сталин их рассматривал как военную добычу, намереваясь отторгнуть в пользу СССР. В Восточной Пруссии даже не делалось никаких попыток создавать какое-либо подобие немецкого гражданского самоуправления — там действовали только военные комендатуры^{IV}. Свое первое указание о создании немецкой администрации на территориях, занятых Красной Армией, Сталин дал лишь 20 апреля 1945 г.^V (см. док. № 1), определив заодно и будущие восточные границы Германии — по линии Одер—Нейсе. После окончания войны, на Берлинской конференции трех союзных держав, при обсуждении вопроса о границах Германии Сталин категорически заявил: «Если в Ке-

^I Там же. Этот эпизод относится к визиту М. Джиласа в Москву в январе 1948 г. Встреча со Сталиным состоялась 16 января (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 64.)

^{II} Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 75.

^{III} О различных аспектах советской карательной политики в послевоенной Германии см.: Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950. Berlin: Akademie Verl. 1998. Bd. 1. 1999. Bd. 2.; то же на русском языке: Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг. Сборник документов и статей. — М., 2001.

^{IV} Разделение Восточной Пруссии на две части, одна из которых отходила Польше, а вторая включалась в границы СССР, было осуществлено постановлением ГКО 7558сс от 20 февраля 1945 г. См.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945 гг. Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 359.

^V На основе указания Сталина 23 апреля 1945 г. был выпущен приказ № 5 по войскам 1-го Белорусского фронта который был отпечатан в виде плаката с текстом на русском и немецком языках и вывешен в населенных пунктах Германии. В этом приказе говорилось о том, что вся полнота власти сосредотачивается в советских военных комендатурах, и устанавливались правила поведения для населения (соблюдение комендантского часа, сдача оружия, регистрация и т.п.), а в пункте 3 приказа сообщалось о том, что военные коменданты формируют органы исполнительной власти и назначают бургомистров и старост «из числа местных жителей» (РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 104. Л. 164-б.).

нигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним»¹.

Тотчас же после приказа Сталина от 20 апреля, для сбора информации и оказания помощи по организации управления на территории Германии, в распоряжение командующих 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов были направлены специальные группы советских работников, возглавляемые чиновниками НКВД (так, на 1-й Белорусский фронт 25 апреля 1945 г. был направлен заведующий 3-м Европейским отделом НКВД А.А. Смирнов)^{II}. Однако им пришлось столкнуться с сопротивлением уполномоченных НКВД по фронтам, которые рассматривали свои функции шире, чем просто «очистка» тыла от «враждебных элементов»^{III}. Отвечавший за их работу народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия перехватил инициативу у ведомства иностранных дел и уже 22 апреля 1945 г. направил Сталину докладную записку с предложением ввести при командующих фронтами «заместителей по управлению гражданскими делами», наделив их полномочиями «осуществлять наблюдение за работой местных немецких учреждений и контроль за проведением ими в жизнь распоряжений Советского военного командования» (см. док. № 2).

Понятно, что до прихода Красной Армии в городах и уездах имелась прежняя немецкая администрация. Но в отличие от линии, принятой союзниками, — отстранять от работы в немецких административных органах только активных нацистов в задачи аппаратов уполномоченных НКВД по фронтам входила полная смена немецкого управленческого аппарата^{IV}. На практике это означало, что первоначально уполномоченные НКВД проводили тотальные аресты немецких руководителей всех уровней, а уж затем прилагали немалые усилия для подбора и назначения новых не-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1984. С. 57.

^{II} СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 2: 9 мая 1945 г. — 3 октября 1946 г. / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 2000. С. 15.

^{III} Институт уполномоченных НКВД при фронтах был учрежден приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 г. (См.: Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. М., 2001. С. 11–14.) Инициатива Берии не противоречила уже сложившейся практике, когда руководство военными комендатурами, создаваемыми на территории, занятой Красной Армией, поручалось представителям НКВД. Например, в утвержденном 25 января 1945 г. командованием 2-го Украинского фронта «Положении о военных комендатурах на территории Венгрии» четко говорилось: «...военные коменданты подчиняются начальнику войск НКВД по охране фронта, последний руководство их служебной деятельностью осуществляет через отдел военных комендатур и отчитывается перед Военным советом фронта». (РГВА. Ф. 32948. Оп. 1. Д. 21. Л. 55.) Той же логике следовал Берия и в апреле 1945 г., поручив заботу о гражданской администрации в Германии своим людям.

^{IV} Приказ НКВД СССР № 00315 от 18 апреля 1945 г., уточнявший категории немцев подлежащих аресту, содержал отдельный пункт, в котором значились «руководители областных, городских и районных административных органов» (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. М., 2001. С. 17).

мецких кадров. Подобное совмещение обязанностей для руководителей оперативных групп НКВД весьма символично.

Уполномоченные НКВД по фронтам, действовавшие в Германии, немедленно приступили к выполнению директивы Сталина о формировании немецких органов власти на местах. Согласно сообщению уполномоченного НКВД по 1-му Белорусскому фронту И.А. Серова на имя Л.П. Берии от 24 апреля 1945 г. в Берлине была проведена подготовительная работа по организации управления городом на районном уровне¹. Были опрошены немцы, которые могли бы исполнять обязанности бургомистров. Однако, к удивлению Серова, «никто не дал согласия на это, мотивируя разными второстепенными причинами». «Видно, — писал он, — что они боятся последствий и не хотят идти на эту работу»¹¹. Поразмыслив над ситуацией, Серов сообщил о своем решении: «Для пользы дела целесообразно подобрать бургомистров из числа находящихся у нас в лагерях военнопленных жителей г. Берлина»¹¹¹.

Идея поручить именно НКВД дело формирования немецких органов самоуправления получила полное одобрение Сталина. Он специально вызвал из Германии и 2 мая 1945 г. принял у себя в кремлевском кабинете И.А. Серова и уполномоченного НКВД по 1-му Украинскому фронту П.Я. Мешика¹¹¹¹.

Результатом этой встречи было подписанное Сталиным в тот же день постановление ГКО № 8377сс о введении при командующих 1-м Белорусским, 2-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами должности заместителя командующего фронтом по делам гражданской администрации. Этим же постановлением заместителями командующих фронтов по делам гражданской администрации были, соответственно, назначены крупные чекисты — И.А. Серов, Л.Ф. Цанева и П.Я. Мешик. Одновременно они оставались во главе аппаратов уполномоченных НКВД по тем же фронтам. Теперь, помимо главной функции — проведения репрессий, в их обязанности также входило осуществление контроля «за деятельностью германских местных органов власти, в том числе в области соблюдения общественного порядка, и за выполнением этими органами всех распоряжений и заданий советского военного командования». Причем, как подчеркивалось в постановлении, этот контроль должен был непременно сопровождаться «необходимой работой по выявлению и изъятию на территории Германии, занятой частями Красной Армии, шпионов, диверсантов, террористов, сотрудников гитлеровских карательных органов, руководящих участников фашистских организаций и иного активного враждебного элемента», и для этого выделялись «оперативные группы»¹¹¹¹¹, играв-

¹ Это сообщение 25 апреля 1945 г. Л.П. Берия разослал в ГКО Сталину, в ЦК ВКП(б) Маленкову, в Генштаб Антонову и в НКВД Вышинскому (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 304–307).

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 306.

¹¹¹ Там же.

¹¹¹¹ Исторический архив. 1996. № 4. С. 99.

¹¹¹¹¹ До декабря 1945 г. они официально именовались оперативными группами НКВД СССР, а с декабря было решено именовать их «оперативными группами СВА», что, конечно же, никак не отразилось на их подчиненности (РГВА. Ф. 32921. Оп. 1. Д. 28. Л. 141).

шие роль тайной полиции и состоявшие из сотрудников НКВД—НКГБ и СМЕРШ, а для содержания арестованных ими немцев разрешалось создать в Германии «необходимое количество тюрем и лагерей».

Тем не менее не было полной ясности в вопросе о том, как конкретно должна строиться немецкая администрации и на каких принципах она будет существовать. Так, Мешик 11 мая 1945 г. просил Берию дать «указание по вопросам, которые невозможно разрешить на месте» и сетовал на несогласованность действий заместителей командующих фронтами: «Товарищи Серов, Цанавя и я слабо связаны между собой. Я выезжал в Берлин и советовался с товарищем Серовым по вопросу структуры органов власти на территории Германии. Он согласился с моим предложением, но никакого общего документа о структуре мы не имеем»^I.

При этом Мешик изложил свои соображения о структуре немецких органов управления, добавив, что «на всех трех фронтах структура органов власти должна быть одинаковой», а «работа всех трех заместителей командующих по управлению гражданскими делами должна быть централизована»^{II}. Однако для Мешика неясным оставался ряд вопросов: какие деньги пускать в оборот, как организовать торговлю, в какой степени должна быть допущена частная инициатива для восстановления легкой промышленности, как организовать сельское хозяйство, надо ли переселять в деревню людей, нужно ли использовать для восстановления села «рабочих или германских бюргеров и прочий нетрудовой элемент»? При этом сам он полагал, что «на первых порах следует поощрять и развивать частную торговлю». Однако, писал Мешик, «прямых указаний об этом мы не имеем»^{III}.

Далее Мешик сообщал об американском опыте и, в частности, о том, что при штабе Эйзенхауэра есть специальное 5 управление (при армиях — отделы, в полках — уполномоченные), которое занято организацией управления оккупированными германскими территориями, а для работы в этом управлении подобраны кадры из промышленников, финансистов, специалистов сельского хозяйства, и все они окончили специальные школы. И тут же сетовал: «Мы же — товарищи Серов, Цанавя и я — имеем в своем распоряжении немногочисленный чекистский аппарат, который сможет обеспечить подбор людей в аппараты местного самоуправления и контрольные функции. Я думаю, — писал Мешик, — что этот аппарат обеспечит также работу по очистке территории от фашистских элементов»^{IV}. Конечно, Мешик тоже хотел иметь у себя на 1-м Украинском фронте специальный аппарат советников или помощников и считал целесообразным подчинить себе отделы по руководству военными комендатурами фронта. До настоящего времени, писал он, всеми вопросами организации жизни в занятых областях занималось Политуправление фронта, «в результате нескольких встреч я понял, что оно и сейчас не хочет уступать эти функции кому бы то ни было»^V.

^I ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 126.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 127.

^{IV} Там же. Л. 129.

^V Там же. Л. 130.

Здесь же Мешик сообщал о проведенных им организационных мероприятиях, о том, что «аппарат уполномоченного НКВД СССР занят подбором бургомистров и других чинов местной администрации», а из числа работников НКВД в каждую военную комендатуру было назначено по одному человеку, который будет являться уполномоченным заместителя командующего фронтом по гражданским делам. «Для этой цели, — писал Мешик, — мною от СМЕРШ 1-го Украинского фронта затребовано 100 человек»¹.

Не дожидаясь формального согласования планов по организации немецкого самоуправления в полосе всех трех фронтов, действовавших в Германии, Мешик самостоятельно не только разработал соответствующие предложения, но и добился их утверждения Военным советом 1-го Украинского фронта^{II}.

Точно так же действовал и уполномоченный НКВД по 2-му Белорусскому фронту Л.Ф. Цанава. В своем сообщении в Москву он писал, что «из числа работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ» в 26 городах и уездах были назначены «уполномоченные по организации немецкой администрации»^{III}. Разумеется, эти функции они совмещали со своей основной работой — начальника опергруппы НКВД по соответствующему городу или уезду. Об итогах деятельности «уполномоченных по организации немецкой администрации» Цанава сообщил в Москву Берии 1 июня 1945 г. специальной докладной запиской:

«В первых числах мая т.г. с назначенными уполномоченными проведено оперативное совещание, на котором изучено постановление Государственного Комитета Оборона и намечены мероприятия по его практическому осуществлению.

На уполномоченных возложено руководство по созданию органов местной власти, а также изъятию вражеского элемента на территории Германии.

Для проведения этой работы каждому уполномоченному, в зависимости от территории и численности населения, придана группа оперативных работников 5–8 человек, 1–2 роты войск НКВД и необходимое количество автотранспорта.

Кроме этого, проведено совещание с военными комендантами городов и уездов с докладом об их задачах в практической реализации постановления Государственного Комитета Оборона по созданию органов

¹ Там же. Л. 131.

^{II} В своем письме к Берии 23 мая 1945 г. Мешик сообщал, что совместно с Политуправлением фронта им был разработан текст письма Военного совета 1-го Украинского фронта военным комендантам, уполномоченным заместителя командующего фронтом по управлению гражданскими делами и заместителям военных комендантов по политической части со схемой организации немецких органов самоуправления, полиции, суда и прокуратуры. Этот документ 16 мая был разослан адресатам (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 132–142). Текст «Указания Военного совета и Политуправления 1-го Украинского фронта военным комендантам немецких городов по организации местной администрации и работе с немецким населением» с датировкой 13 мая 1945 г. был опубликован в сборнике: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М., 1995. С. 391–398.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 127. Л. 37.

гражданской администрации и контроля за их деятельностью в области выполнения заданий советского военного командования и соблюдения общественного порядка»¹.

В сообщении Цанавы довольно ясно говорилось и о принципах подбора новых кадров:

«Бургомистры уездов и городов, начальники полиции, прокуроры, судьи и сельские старосты подбирались и назначались из числа лояльно относящихся к нам местных жителей, пользующихся доверием населения, с учетом индивидуальных способностей обеспечить доверенную им работу.

До назначения на руководящую работу намеченные нами кандидатуры тщательно изучались, на каждого проверяемого заведено личное дело, в котором концентрируются все данные о нем»¹¹.

Всего, как сообщал Цанава, на части территории Германии, занимаемой войсками 2-го Белорусского фронта, были произведены назначения:

бургомистров уездов	22
заместителей бургомистров уездов	29
бургомистров городов	73
заместителей бургомистров городов	76
начальников полиции	80
заместителей начальников полиции	59
прокуроров	28
судей	37
сельских старост	1816.

По состоянию на 1 июня 1945 г., подводил итог Цанава, подбор и назначение работников органов гражданской администрации «полностью закончен»¹¹¹. В то же время обращает на себя внимание другая сторона деятельности Цанавы по «очистке тыла фронта от враждебных элементов», о которой он также отчитывался перед Берией. В докладной записке от 7 июня 1945 г. он писал о проведенных до 20 апреля 1945 г. арестах 19 «руководителей областных, окружных и уездных дум и управ» и 124 бургомистров^{1V}, а в период с 20 апреля по 5 июня 1945 г. было арестовано еще 67 руководителей областных, городских и районных административных органов^V.

О проведенной работе по организации немецкого самоуправления заместители командующих фронтами по делам гражданской администрации Серов (1-й Белорусский фронт), Цанава (2-й Белорусский фронт) и Мешик (1-й Украинский фронт) регулярно докладывали Берии в Москву, а тот, в свою очередь, направлял их донесения Сталину (см. док. №. 3–6, 8).

После организации 6 июня 1945 г. Советской военной администрации в Германии контроль над органами немецкого самоуправления сосредоточился в руках Серова, занимавшего одновременно должности замести-

¹ Там же, Л. 39–40.

¹¹ Там же, Л. 41.

¹¹¹ Там же.

^{1V} Там же, Л. 77.

^V Там же, Л. 81.

теля Главного начальствующего СВАГ по делам гражданской администрации и уполномоченного НКВД в Германии. Так как директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 29 мая 1945 г. 1-й Украинский и 2-й Белорусский фронты к 10 июня переформировывались в группы войск, а их части передислоцировались¹, Мешик из Дрездена переместился в Центральную группу войск на должность уполномоченного НКВД при группе войск¹¹, а нарком госбезопасности Белоруссии Цанова отбыл по месту основной службы в Минск.

Сосредоточение в руках уполномоченных НКВД работы по организации немецкой администрации предопределило в дальнейшем особую политическую роль советских органов НКВД—МГБ на территории Германии¹¹¹. Не подчиняясь аппарату СВАГ, советские чекисты, проводя прямые репрессии против немцев, а также используя тайные методы воздействия (с помощью многочисленных агентов — немцев), оказывали влияние не только на расстановку немецких кадров, но и их последующую работу¹¹¹. Но, помимо прочего, первоначальное совмещение должностей начальников опергрупп НКВД и заместителей военного коменданта по гражданским делам вызвало в дальнейшем серьезные трения между органами НКВД и военными комендатурами, когда заботы о немецких органах самоуправления были переданы последним (см. док. № 77—82).

В материалах фондов СВАГ и УСВА земель можно встретить лишь косвенные упоминания об активности советских репрессивных органов в Германии. Невидимыми остаются каждодневные усилия аппарата НКВД—МГБ по проверке кадров немецкой администрации и контролю за их деятельностью. Между тем рекомендации оперативных секторов МГБ были решающими для СВАГ при проведении кадровых назначений, чисток и увольнений немцев. Перед назначением руководителей немецкого самоуправления, даже если речь шла о коммунистах, всегда проводилась проверка их кандидатур в органах НКВД—МГБ. Так, заместитель начальника

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4—5). М., 1995. С. 419—424.

¹¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг. Сборник документов и статей. М., 2001. С. 27—28.

¹¹¹ Даже внутренние войска НКВД, охранявшие тыл Красной Армии, не остались в стороне. В качестве одной из задач, стоявших перед войсками в 1945 г., указывалось: «...обеспечение мероприятий командования Красной Армии по организации органов самоуправления на оккупированной территории» (РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 25. Л. 17).

¹¹¹ Как отмечалось в справке «о состоянии агентурно-осведомительного аппарата» войск НКВД в Германии за май—август 1945 г., указания, разрешившие вербовать немцев, поступили в войска примерно 22 мая 1945 г.; ранее органы НКВД использовали агентуру из числа советских граждан, угнанных в Германию. После этого, как отмечалось в справке, была развернута работа по созданию агентуры «из немцев — бывшей партийной среды, лояльно расположенной к нам, пользующейся доверием и располагающей связями среди враждебной нам круга лиц» (РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 106. Л. 26—26об). В рекомендациях НКВД говорилось о необходимости «практиковать насаждение широкой агентурно-осведомительной сети и создание института резидентов. Активно использовать в наших интересах новую гражданскую администрацию» (там же, л. 27).

СВА провинции Бранденбург В.М. Шаров 3 августа 1945 г. писал начальнику оперативного сектора НКВД той же провинции П.М. Фокину о представленных президентом провинции кандидатурах на должности оберландратов окружных самоуправлений и просил сообщить «имеющийся на указанных лиц материал»¹. Точно так же Шаров запрашивал Фокина о кандидатурах на должности директора филиала Госбанка в Потсдаме и руководителя страхового хозяйства провинции¹¹. Однако в фондах СВАГ и УСВА земель, находящихся на хранении в ГА РФ, сохранились лишь единичные документы, свидетельствующие об этой процедуре. Основной массив подобной документации по-прежнему находится на хранении в ведомственном архиве ФСБ и совершенно недоступен исследователям.

В отличие от союзников Красная Армия заранее готовила надежные и преданные Кремлю немецкие кадры, заботливо выращивая их в инкубаторах «антифашистских школ» для дальнейшего использования на управленческой работе в Германии¹¹¹. Об этом, в частности, свидетельствует записка руководителей отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитрова и А.С. Панюшкина, направленная в марте 1945 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, отвечавшему за работу с кадрами. В ней прямо говорилось о необходимости создания «органов содействия» Красной Армии на занятых немецких территориях, и во главе этих органов «должны быть поставлены наиболее надежные и крепкие работники из числа немецких коммунистов»¹¹⁴. В записке назывались и конкретные кандидатуры будущих немецких руководителей и среди них — Аккерман, Ульбрихт, Соботтка, Маттерн и др.¹¹⁵ Вся работа по подбору и подготовке кадров будущих немецких руководителей осуществляли Управление по антифашистской работе (7-е управление) Главного политуправления Красной Армии и 7-е отделы политуправлений фронтов. В конце апреля — начале мая 1945 г. в политуправлениях Красной Армии подбирались кадры и составлялись характеристики на будущих бургомистров (см. док. № 163).

В конце апреля 1945 г. из Москвы в Германию «прибыли три представительные группы ЦК КПГ, работу которых координировала одна из них, а именно группа члена Политбюро ЦК КПГ Вальтера Ульбрихта, известная как «Бюро Ульбрихта»¹¹⁶. В последующие дни в Германию прибывали группы по 100 и больше человек в каждой — немецких политических эмигрантов, антифашистов из военнопленных, деятелей Национального

¹ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹¹¹ Однако при этом советское руководство совершенно не заботилось о необходимости специальной подготовки собственных кадров для весьма специфической работы в аппарате будущей советской военной администрации в Германии. Американцы, наоборот, загодя подготовили по крайней мере около трех тысяч сотрудников своего будущего аппарата военной администрации (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 317–318).

¹¹⁴ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов). Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М., 1994. С. 23.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981. С. 315.

комитета «Свободная Германия», прошедших политическую подготовку в Советском Союзе¹.

Позднее в обобщающих отчетных документах СВАГ процесс формирования на местах немецких органов самоуправления был представлен как некий стихийный процесс. Это нашло отражение в «исторических справках» УСВА земель, подготовленных в конце 1948 г. Однако картина, рисуемая этими документами, не вполне достоверна. Мало того, что заслуга создания органов немецкой администрации приписывалась только военным комендатурам, так еще искажались и реальные события. Вот как, например, описывалась ситуация в земле Саксония и Дрездене:

«Перед органами самоуправления после крушения и разгрома гитлеровской государственной машины были стихийно возникшие на местах антифашистские комитеты, которые немедленно после прекращения боевых действий приступали с помощью комендатур к наведению элементарного порядка в поселках и городах. Из состава этих антифашистских комитетов военные коменданты назначали бургомистров, занимавшихся, в первую очередь, совместно с комендатурами вопросами обеспечения населения продовольствием, налаживанием коммунального хозяйства. Вскоре в районах были назначены ландраты, объединившие все местные самоуправления в районах в целях улучшения управления, наведения порядка и лучшего снабжения населения»¹¹.

Между тем выше уже говорилось об усилиях уполномоченного НКВД по 1-му Украинскому фронту П.Я. Мешика и его донесениях из Дрездена, в которых он описывал процесс формирования органов самоуправления. И этого вполне достаточно, чтобы соотнести роль и место НКВД и военных комендатур в этом деле и убедиться, кто в действительности подбирал кандидатуры немецких управленцев и проверял их перед назначением на должности (см. док. № 6).

В Мекленбурге, где ряд районов был первоначально занят союзниками, возникла другая проблема:

«Несколько позднее (после ухода англо-американских войск) было произведено назначение бургомистров и ландратов в западных районах земли Мекленбург, причем здесь пришлось сменить большинство назначенных англичанами руководителей, поскольку последние были подобраны из реакционных и нацистских элементов.

Трудность, с которой встретились советские люди при создании немецкого управленческого аппарата, заключалась в том, что при вступлении наших войск в города не был заранее известен круг лиц из числа коммунистов и борцов против фашизма, на которых можно было бы сразу опереться. Большую помощь в подборе руководящих кадров для немецких органов самоуправления оказали офицеры 7-х отделений политотделов армий и 7 отдела политуправления фронта. Подбор обер-бургомистров и ландратов производился главным образом за счет членов КПГ, немецких военнопленных, окончивших антифашистские школы в СССР, и немец-

¹ Там же. С. 315–316.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.

ких антифашистов, освобожденных советскими войсками из гитлеровских концентрационных лагерей.¹ Необходимо иметь также в виду, что так как немецкие органы самоуправления создавались “на ходу”, то было немало случаев, когда подбор руководителей этих органов производился поспешно и при поверхностном их изучении, а иногда после предъявления ими членских билетов КПГ. Это привело к тому, что в управленческом аппарате на руководящих должностях оказалось немало нацистов и проходимцев, которых впоследствии пришлось разоблачать в изгонять» «Назначенный англичанами президент провинции Мекленбург Есс, а также целый ряд руководящих нацистских чиновников — англо-американских ставленников — были сразу же отстранены от занимаемых постов»^{II}.

О критериях отбора немцев на работу в самоуправлении предельно ясно говорится в «исторической справке» УСВА земли Бранденбург: «Главным критерием при подборе руководящих кадров являлись в первую очередь: антифашистско-демократические политические взгляды и лояльное отношение к Советскому Союзу»^{III}.

Тотальное недоверие к органам самоуправления, учрежденным союзниками в тех районах, куда Красная Армия вступила позднее, объяснялось не только противоположностью политических систем и взглядов на общественное устройство. Не имея под рукой заранее подготовленных немцев, союзники зачастую без волокиты и проверки проводили назначение в самоуправление лиц, которые при более внимательном подходе могли внушать подозрение. Такая ситуация сложилась в Саксонии-Ангальт:

«Районы Саксонии были оккупированы американскими войсками. Содержащиеся в тюрьмах и лагерях Бухенвальд, Торгау и других заключенные освобождены американцами. Эти лагеря и тюрьмы были наводнены не только политическими, но и уголовными преступниками. Отъявленные бандиты, профессиональные жулики, крупные мошенники, поддельватели документов были выпущены вместе с политическими заключенными. При выходе из тюрем и лагерей весь этот сброд получил от американских властей документы о том, что они являются “жертвами фашизма” — политическими заключенными»^{IV}.

Многие из них не только «потянулись» на работу в немецкие правительственные органы и создаваемую полицию, но и «чтобы закрепить свое положение, они начали вступать в коммунистическую партию»^V. Так, руководителем полиции г. Бернбург стал Альфред Рик, «который выдавал себя за политического заключенного, а на самом деле был уголовным преступником. Он производил незаконные аресты, изъятие имущества, избивал арестованных»^{VI}. Вступив в компартию, он оказался вполне

¹ Эта практика сохранилась и позднее. В составе Политуправления ГСОВГ в 1946 г. продолжала действовать антифашистская школа, готовившая немецкие кадры управленцев и пропагандистов. (См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 49. Д. 69. Л. 412.) По состоянию на август 1946 г. школу возглавлял майор В.Л. Мартенс.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 37.

^{III} Там же. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

^{IV} Там же. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3418. Л. 4–5.

^V Там же.

^{VI} Там же.

ко двору и при советской оккупации. Любопытно, что, руководствуясь ведомственными интересами, начальник оперативной группы НКВД в Бернбурге майор Ф.И. Судариков до последнего защищал Рика и его сослуживцев, пытаясь сохранить столь «ценные кадры» на работе в полиции (см. док. № 79, 81).

В Тюрингию Красная Армия вступила в начале июля 1945 г., после ухода американских оккупационных войск. В докладе инспектора Управления комендантской службы СВАГ отмечалось: «Население районов Тюрингского леса занимает выжидательную позицию по отношению к Красной Армии, высказывая мысль: “Американцы держали образцовый порядок, — посмотрим, что будут делать русские”»¹. А представители местного самоуправления высказывали опасение, что назначение на руководящие должности коммунистов, вдруг появившихся в большом количестве неизвестно откуда, до добра не доведет. Например, ландрат района Майнинген говорил представителю комендантской службы:

«Мне кажется, что Вы делаете большую ошибку, что недостаточно включаете интеллигенцию Германии в работу, чем наводите беспокойство среди нее; не каждый тот коммунист, который теперь себя называет коммунистом, большинство из таких коммунистов не имеют никакого понятия об этом учении; это в значительной мере те люди, которые выброшены в прошлом из гитлеровских партий как неспособные хозяйственники либо политики, — теперь эти люди ищут пути в компартию и стараются возглавить жизнь. Такие люди наводят беспокойство в г. Целамелис, где замкнули предприятия, а промышленников заставили подметать улицы»¹¹.

Постановлением СНК СССР от 6 июня 1945 г. была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ)¹¹¹. Сообщение об этом было опубликовано в центральных газетах с некоторым запозданием — 14 июня¹¹². Первый приказ Главноначальствующий СВАГ и Главнокомандующий ГСОВГ Г.К. Жуков подписал 9 июня, в нем он извещал о формировании СВАГ. Приказ СВАГ № 2 разрешал существование нескольких политических партий и профсоюзов¹¹³. Однако реальная политическая жизнь в Советской зоне началась раньше. Вильгельм Пик получил указание из Кремля о разрешении партий и профсоюзов уже 26 мая 1945 г.¹¹⁴

Приказом Главноначальствующего СВАГ и Главнокомандующего ГСОВГ № 5 от 9 июля 1945 г. «для управления провинциями и обеспечения контроля за работой местных органов самоуправления» были назначены начальники Советской военной администрации (СВА) земель и провинций и их заместители по гражданским делам (см. док. № 16). Начальниками СВА (по территориальности) стали командующие войсками армий, расположенных в соответствующих землях и провинциях:

¹ Там же. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 20. Л. 276.

¹¹ Там же.

¹¹¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 4 (5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы. М., 1995. С. 408–410.

¹¹² Правда. 1945. 14 июня. Любопытно, что в этой официальной публикации И.А. Серов, имевший специальное звание комиссара госбезопасности 2 ранга был стыдливо указан как генерал-полковник. В действительности это звание он получил месяцем позже 9 июля 1945 г., когда на сотрудников НКВД и НКГБ была распространена система персональных званий, принятая в Красной Армии.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 1. Л. 2–3.

¹¹⁴ СССР и германский вопрос... Т. 2. М., 2000. С. 721.

командующий 2-й Гвардейской танковой армией, маршал бронетанковых войск С.И. Богданов — СВА провинции Бранденбург;

командующий 2-й Ударной армией, генерал-полковник И.И. Федюнинский — СВА провинции Мекленбург;

командующий 3-й Ударной армией, генерал-полковник В.И. Кузнецов — СВА провинции Саксонии (Саксония-Ангальт);

командующий 1-й Гвардейской танковой армией, генерал-полковник М.Е. Катуков — СВА земли Саксонии;

командующий 8-й Гвардейской армией, генерал-полковник В.И. Чуйков — СВА земли Тюрингии.

Их заместителями по гражданским делам стали генерал-майоры В.М. Шаров (Бранденбург); М.И. Скосырев (Мекленбург), А.Г. Котиков (Саксония-Ангальт), Д.Г. Дубровский (Саксония), И.С. Колесниченко (Тюрингия). Исключение составила провинция Саксония-Ангальт, где наряду с должностью заместителя по гражданским делам была введена дополнительная должность 1-го заместителя начальника СВА. На нее был назначен генерал-лейтенант Ф.И. Перхорович — командующий 47-й армией. Это можно объяснить тем, что маршал Г.К. Жуков, раз уж в Саксонии-Ангальт оказались дислоцированными сразу две армии, решил «по справедливости» не оставлять командующего другой армии без должности.

В тот же день, 9 июля 1945 г., Главкомандующий ГСОВГ Г.К. Жуков приказом № 029 утвердил «Временное положение о работе начальника СВА провинции или федеральной земли в Советской зоне оккупации и его заместителя по гражданским делам» (см. док. № 17). В положении говорилось, что начальник СВА является «высшим представителем» Главкомандующего СВАГ и «обладает всей полнотой оккупационной власти в пределах соответствующей провинции или федеральной земли». Основной целью деятельности СВА, говорилось далее, является «осуществление управления провинцией и контроль за деятельностью немецкого управления провинции и местного самоуправления». В пункте 6 положения был четко определен и служебный статус заместителей СВА по гражданским делам: «Заместитель начальника Советской военной администрации по гражданским делам одновременно является и начальником Управления советской военной администрации (УСВА. — *авт.*) провинции или федеральной земли и в своей работе отчитывается перед заместителем Главного начальствующего Советской военной администрации в Германии»¹.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2. Начальники СВА земель и провинций ревниво следили за тем, чтобы их подчиненные не нарушали субординацию. Так, начальник СВА провинции Мекленбург и Западной Померании Федюнинский строго указал командиру 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту В.В. Крюкову (его корпус дислоцировался в Померании), который направил ему 4 августа 1945 г. не оригинал, а копию доклада о работе с бургомистрами и ландратами Штеттинского округа. Федюнинский напомнил, что он является начальником СВА и переписку с ним нужно вести «в подлиннике», пояснив это следующим образом: «Как заместитель начальника администрации провинции в Германии, Военному совету Советской Военной Администрации в Германии — минуя меня писать у Вас нет оснований. Такое положение вносит дезорганизацию в работе, т.к. у нас нет двух провинций — Мекленбургская и Западная Померания, а есть одна провинция, как указано в приказе Главного начальствующего 5. Это провинция Мекленбург с включением в нее районов Западной Померании». (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 5. Л. 139.)

В конце 1946 г. начальники СВА провинций и земель сошли со сцены, а их заместители по гражданским делам — начальники УСВА — стали играть главенствующую роль в провинциях и землях. Причина в том, что в декабре 1946 г. было принято решение о серьезном сокращении советских войск в Германии и, соответственно, о выводе ряда подразделений на территорию СССР. Таким образом, некоторые высокопоставленные военачальники оставили свои должности в Германии. В октябре 1946 г., находясь на отдыхе в Гаграх, Сталин обсуждал предстоящее серьезное сокращение советских войск за границей с посетившим его Молотовым¹. Через некоторое время, 23 октября 1946 г., Сталин сообщил в Москву Молотову о том, что он вызвал к себе Н.А.Булганина и А.М. Василевского и также обсудил с ними это вопрос. В результате было решено сократить войска, дислоцированные за границей, всего на 280 тыс. человек, из них в Германии на 200 тыс. (остальное сокращение провести в Румынии, Порт-Артуре и Корее). Вместо 450-тысячного военного контингента в Германии должно было остаться 250 тыс. человек¹¹. Результатом стало обособление военно-бюрократического аппарата СВАГ на местах от армейского командования. И только в высшем руководящем звене ГСОВГ совмещение армейских и административных должностей в СВАГ сохранялось. Так, Главначальствующий СВАГ совмещал свою должность с командованием ГСОВГ, тогда как командующие армиями, дислоцированными на территориях земель и провинций, сосредоточились теперь исключительно на руководстве войсками.

С первых дней существования Советской военной администрации в ее работе наметилась определенная самостоятельность в принятии решений. В первой половине июля 1945 г. Главначальствующий СВАГ Г.К. Жуков рассмотрел и утвердил кандидатуры президентов и вице-президентов земель и провинций в Советской зоне¹¹¹.

Приказ Главначальствующего СВАГ и Главкомандующего ГСОВГ № 5 от 9 июля 1945 г. означал, что с этого момента функции по формированию немецкого самоуправления и контроль за его деятельностью переходят от НКВД к военным. Согласно распоряжению Управления комендантской службы (УКС) ГСОВГ^{1V} № 03290 от 9 июля 1945 г. военные коменданты должны были подготовить сведения о вверенных им районах и о составе и структуре органов немецкой администрации.

¹ В.М. Молотов собирался отправиться на Генеральную ассамблею ООН, где среди прочих должен был обсуждаться вопрос о сокращении вооружений и пребывании вооруженных сил союзников на территориях «невражеских государств» (см.: Молотов В.М. Вопросы внешней политики. М., 1948. С. 246–344.).

¹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 129–130.

¹¹¹ Филипповых Д.Н. Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект деятельности (1945–1949 гг.). М., 1995. С. 24.

^{1V} УКС ГСОВГ создано согласно директиве Генерального Штаба Красной Армии № ОРГ/6/9148 от 12 июня 1945 г. и приказу Главкомандующего ГСОВГ № 09 от 18 июня 1945 г. Передано в Штаб СВАГ на основании постановления СНК СССР № 1326-301сс от 23 июля 1945 г. и приказа Главкомандующего ГСОВГ № 050 от того же числа. См.: Захаров В.В., Филипповых Д.Н., Хайнеманн М. Материалы по истории Советской военной администрации в Германии 1945–1949 гг. Выпуск 2. М., 1999. С. 195.

Советская зона оккупации в Германии административно делилась на две федеральные земли — Саксония (центр — Дрезден) и Тюрингия (Веймар) и три провинции — Мекленбург (Шверин), Бранденбург (Потсдам) и Саксония (Гале). В состав этих провинций и земель входили 18 округов, в которых было всего 135 районов. Отдельную административную единицу представлял собой советский сектор Берлина, состоявший из 8 районов^I.

В июле 1945 г. военные коменданты отчитывались перед управлением комендантской службы СВАГ об организации немецкой администрации на местах. Схема построения органов самоуправления не была однотипной, и порой созданные в различных местах городские управления (магистраты) заметно отличались друг от друга по структуре. Чаще всего структура магистрата выглядела следующим образом. В крупном городе Коттбус городской магистрат состоял из обербургомистра, трех бургомистров, восьми советников (по промышленности, торговле, финансам, здравоохранению, просвещению, соцобеспечению и по административным вопросам и кадрам), прокурора, судьи, командира полиции, начальника отдела полиции порядка, начальника отдела уголовной полиции и начальника пожарной команды. Всего 18 человек^{II}. В мелких городах магистрат мог состоять из бургомистра, пяти советников и командира полиции^{III}. Структура уездного управления была схожей с городской: начальник уезда, восемь советников, уездный врач, уездный ветврач, архитектор, начальник полиции^{IV}. В расположенных на территории уезда деревнях и селах были назначены старосты^V.

К концу 1946 г. сложилась следующая общая схема органов самоуправления. В провинциях и федеральных землях были созданы парламенты (ландтаги) во главе с президентами^{VI}, в округах — магистраты (крайсраты) во главе с президентами, в районах — районные советы (ландраты) во главе с районными советниками (ландратами), в городах — бургомистраты во главе с бургомистрами, в отдельных населенных пунктах назначены старшины (старосты). В советском секторе Берлина и крупных городах были созданы магистраты во главе с обер-бургомистрами, а входившие в них административные районы, в свою очередь, возглавлялись бургомистрами.

Руководство и контроль над немецким самоуправлением возлагались на военные комендатуры соответствующего уровня. В тех случаях, когда построение немецких органов самоуправления выбивалось из привычной схемы, все несоответствия устранялись по требованиям военных комендантов. Например, 7 декабря 1945 г. военный комендант г. Магдебург обратил внимание начальника УСВА провинции на то, что немецкое самоуправление городского уровня слито с самоуправлением Магдебург-

^I ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 55. Л. 204.

^{II} Там же. Д. 35. Л. 307.

^{III} Там же. Л. 308.

^{IV} Там же. Л. 307–308.

^V Там же. Л. 308.

^{VI} После выборов в ландтаги, в декабре 1946 г. были сформированы правительства земель и провинций во главе которых стояли министры-президенты (см. документы № 52, 55).

гского округа и президент округа Бер одновременно является и обербург-гомистром города. Так как президент округа согласовывал все свои действия, в том числе и касающиеся городских вопросов, с окружной военной комендатурой, военный комендант города почувствовал себя лишним. Ознакомившись с письмом военного коменданта, начальник УСВА А.Г. Котиков подготовил шифротелеграмму на имя начальника УВК Магдебургского округа следующего содержания:

«Мне стало известно, что личная уния президента округа Бера распространилась на весь аппарат городского магистрата, обязанности городских и окружных чиновников совмещены. По существу, окружного аппарата управления нет. Немедля пересмотрите органы гор[одского] и окр[ужного] управления, разделите эти два аппарата и подберите гор[одского] бургомистра. Помните, что это чревато большими политическими последствиями»¹.

Итак, с 9 июля 1945 г. непосредственное руководство органами немецкого самоуправления в землях и провинциях и контроль за их деятельностью были переданы от руководимого И..А. Серовым аппарата НКВД к заместителям начальников СВА по гражданским делам, а в округах, городах, уездах и районах — к военным комендантам. Тем не менее до конца 1945 г. на местах нередко были «выяснения отношений» между военными комендантами и оперативными группами НКВД по вопросу о том, кто и какими немецкими органами руководит, кто вправе производить аресты и т.п. Порой эти распри принимали трагикомические формы (см. док. № 79). О ситуации «двоевластия» красноречиво свидетельствует фрагмент политдонесения заместителя военного коменданта по политической части города Засснитц от 20 июля 1945 г.: «Для меня пока остаются неясны вопросы по взаимоотношению с местными органами власти и опергруппы по гражданским делам»^{II}. Из беседы с пом. нач. опергруппы капитаном Ребровым я выясняю, что они назначают и снимают бургомистров, даже не ставя в известность коменданта данного города»^{III}. Далее в политдонесении сообщалось, что попытки найти общий язык с представителями НКВД, разграничить полномочия и обмениваться информацией не увенчались успехом: «Я пытался эту связь установить, но мне нач. опер. группы ответил, что он стоит выше и не обязан каждого коменданта информировать»^{IV}. И такие случаи не были единичными. О том же писал 12 июля 1945 г. и заместитель военного коменданта по политчасти района Ратенов:

«В своей работе я встретился с целым рядом ненормальностей которые творит старший оперуполномоченный группы СМЕРШ майор Ткач Иван Илларионович^V, прежде всего не знаю из каких источников он себя именует начальником НКВД района и во всеуслышанье заявляет, что я никому здесь не подчиняюсь, хотя даже нет абсолютно нужды об этом

¹ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 271. Л. 134–135.

^{II} Имеется в виду оперативная группа НКВД.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 35. Л. 500.

^{IV} Там же. Л. 501 об.

^V Так в документе. Правильно — Ткач Иван Родионович.

говорить; кроме того, что он арестовывает разного рода враждебных элементов, он стал на путь самоснабжения и разстранжирования государственного достояния»¹.

В направленной 11 августа 1945 г. начальником УКС СВАГ С.Ф. Гороховым заместителю Главногоначальствующего СВАГ И.А. Серову «Временной инструкции военным комендантам в Советской зоне оккупации Германии»^{II} четко разграничивались обязанности военной администрации и НКВД в отношении задержанных немцев: «Военные коменданты обязаны передавать местной полиции всех уголовных преступников и других нарушителей общественного порядка немецкой национальности для принятия соответствующих мер воздействия. Лиц уличенных в контрреволюционных преступлениях передавать в опергруппы НКВД»^{III}.

А между тем арестами немцев продолжали заниматься все кому не лень. Начальник отдела комендантской службы СВА провинции Саксония Мухин 25 августа 1945 г. с возмущением писал начальнику штаба 47-й армии о том, что 9 и 10 августа в г. Виттенберг и других населенных пунктах этого района военнослужащие армии «произвели аресты рядовых членов фашистской партии, грабя у них часы, радиоприемники и другие вещи», причем «все указанные действия производились без ведома комендатуры»^{IV}. В некоторых провинциях, например в Мекленбурге, начальник УСВА М.И. Скосырев и начальник оперативного сектора НКВД В.В. Губин 20 октября 1945 г. были вынуждены дать на места совместную директиву об установлении «нормальных» взаимоотношений между комендантской службой и начальниками оперативных групп НКВД округов и уездов, в которой строго потребовали «установить деловой контакт в работе»^V. В декабре 1945 г. в разработанную Управлением комендантской службы типовую форму отчета-доклада для военных комендатур был включен специальный пункт, в котором требовалось отразить: «взаимоотношение военных комендантов с органами прокуратуры, СМЕРШ и опергруппами НКВД, показать реальную помощь со стороны этих органов»^{VI}.

В конце концов между НКВД и подразделениями СВАГ наметилась ясность в распределении обязанностей по руководству и надзору за дея-

^I ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 35. Л. 189.

^{II} В аппарате И.А. Серова проект «Временной инструкции» зарегистрирован 8 сентября 1945 г. Ознакомившись с ним, Серов наложил резолюцию: «Подкорректировать и можно издать». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 190.) Помимо Серова проект также был разослан в УСВА земель и провинций и некоторые отраслевые управления СВАГ для рассмотрения и отзыва. 28 сентября 1945 г. исправленный проект инструкции был направлен Главногоначальствующему СВАГ Г.К. Жукову (зарегистрирован в секретариате Главногоначальствующего 10 октября). Рассмотрев его, Жуков наложил резолюцию: «т. Соколовскому. Переработанный проект. Прежде чем утвердить прошу доложить мне». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 22. Л. 437.)

^{III} Фраза, начинающаяся словами «Лиц уличенных», была вписана от руки и вероятнее всего являлась результатом согласования проекта с И.А. Серовым (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 166).

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 49.

^V Там же. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 9. Л. 76–78.

^{VI} Там же. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 23. Л. 171.

тельностью немецких административных органов. Номинальный контроль за работой немецкой полиции и подбор ее кадров были поручены сформированным в августе 1945 г. секторам внутренних дел УСВА провинций и земель, в свою очередь, подчиненных отделу внутренних дел СВАГ¹. Органы немецкого суда и прокуратуры контролировали правовые отделы СВАГ и УСВА, а контроль за деятельностью органов самоуправления осуществляли специально выделенные для этого работники отделов пропаганды (информации)¹¹ УСВА провинций и земель и непосредственно военные коменданты на местах¹¹¹.

Согласно директиве Управления информации СВАГ от 30 августа 1947 г. при отделах информации земель были созданы «отделения по контролю над деятельностью немецких органов самоуправления». Летом 1948 г. для руководства и контроля за деятельностью немецких органов самоуправления были созданы отделы гражданской администрации СВАГ и УСВА земель (см. док. № 149, 150).

Эти новые отделы тем не менее руководствовались старыми установками и приемами, опробованными еще в 1945 г. О том, насколько реальна была власть немецкого самоуправления, можно судить по одной курьезной цитате из документа отдела гражданской администрации УСВА земли Саксония-Ангальт:

«Серьезным тормозом в укреплении дисциплины среди бургомистров, обер-бургомистров, ландратов и всех служащих управленческого аппарата, тормозом в создании действительно единой, цельной системы органов власти снизу доверху является широкое распространение среди работников органов управления, в том числе и членов СЕПГ, старой и вредной в настоящее время “теории” о том, что местные органы управления являются органами “самоуправления”» (см. док. 159).

Вместе с тем выполнявшие функции политической полиции в Советской зоне оперативные секторы НКВД—МВД провинций и земель и их органы на местах — оперативные группы округов, городов и уездов (а с ноября 1946 г. — оперативные секторы МГБ провинций и земель и окружные, городские и уездные отделы МГБ) в оперативном отношении главенствовали над немецкой криминальной полицией. Они продолжали не только руководить ее органами, но и привлекали силы полиции для

¹ При этом за «оперативное руководство» немецкой полицией и негласный контроль за ее работой (путем вербовки в рядах полиции агентов) по-прежнему отвечали органы НКВД — оперативные секторы провинций и земель и оперативные группы НКВД на местах.

¹¹ С мая 1947 г. отделы пропаганды УСВА земель и провинций переименованы в отделы информации.

¹¹¹ В разосланном 3 августа 1945 г. для руководства «Положении об отделах комендантской службы провинций и земель» в штате отдела комендантской службы УСВА значилось отделение по гражданским делам. О его задачах было сказано: «Отделение по гражданским делам при отделах комендантской службы СВА провинций и окружных управлениях свою работу организует по двум направлениям: а) проверка подбора органов местной немецкой администрации, контроль за их работой; б) руководство военных комендантов в области хозяйственной жизни и контроль за снабжением населения» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 2).

выполнения своих заданий по проведению арестов немецких граждан. Так, согласно записям начальника отдела полиции Саксонии-Ангальт за весь 1946 г. немецкой полицией в провинции было арестовано 10 179 человек «для управления УСВА», или, как между собой говорили немцы, «для русского НКВД»¹.

Органы советской госбезопасности в Германии не были подчинены СВАГ, но играли при этом важнейшую роль во внутренней жизни зоны, контролируя политическую обстановку. Аппарат уполномоченного МГБ в Германии негласно наблюдал за деятельностью политических партий, вмешивался в их работу и проводил аресты всех тех, кто был не согласен с проводимой в зоне политикой. Примеров активности в этом деле советских чекистов немало. Так, например, в оперативной сводке за июль 1947 г. указано, что усилиями отделов МГБ оперативного сектора земли Саксония «приняты меры на вскрытие практических мероприятий, проводимых руководством ЛДП в Советской зоне оккупации Германии, по созданию своей самостоятельной молодежной организации»¹¹. О значимости проводимой МГБ работы можно судить хотя бы по тому факту, что из 348 руководящих сотрудников СВАГ награжденных 24 июня 1948 г. орденами, по меньшей мере 40 человек (11,5 %) были сотрудниками аппарата уполномоченного МГБ в Германии и оперативных секторов МГБ земель¹¹¹.

После окончания войны дурное поведение военнослужащих Красной Армии на территории Германии создавало немалые помехи в политической и хозяйственной деятельности СВАГ. Так, летом 1945 г. главной задачей, возлагаемой на немецкие административные органы, стала уборка урожая. Об этом прямо говорилось и в документах, и на личных встречах советских представителей с руководителями земель (см. док. № 15, 18). В то же время советское командование получало многочисленные жалобы немецких бургомистров, вызванные произволом военных комендантов и непрекращающимися в Советской зоне оккупации Германии массовыми грабежами и насилием (см. док. № 7). Подобные «эксцессы» стали серьезным препятствием для налаживания нормальной жизни и мешали не только порядку управления и самим немцам, но и ставили под угрозу выполнение хозяйственных планов СВАГ. А уборка урожая и проведение сельскохозяйственных работ занимали здесь главенствующее место.

Для исправления сложившегося положения требовались неотложные меры. В телеграмме Жукова и Телегина, направленной 30 июня 1945 г. войскам ГСОВГ, прямо говорилось: «От местных органов немецкой власти, крестьянских общин и отдельных жителей продолжают поступать многочисленные жалобы на произвол, насилия и отдельные факты прямого проявления бандитизма лиц в форме военнослужащих Красной Армии и репатриантов. Во многих сельских местах немецкие женщины не выходят на полевые работы и сенокос из-за боязни быть изнасилованными или ограбленными». Жуков и Телегин, возложив ответственность за сложившуюся ситуацию на командиров частей и военных комендантов,

¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3418. Л. 7.

¹¹ РГВА. Ф. 32883. Оп. 1. Д. 95. Л. 107.

¹¹¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. 2 июля.

которые «своей нерешительностью, мягкотелостью, по существу, поощряют преступное поведение своих подчиненных», потребовали от них буквально за 3–5 дней восстановить порядок, прекратить грабежи и насилия, иначе, грозили они, «будут сделаны самые серьезные выводы, не считаясь с положением и заслугами» (см. док. № 15).

Ряд изданных вскоре приказов Главноначальствующего СВАГ свидетельствует, что положение не было исправлено, ни через 3–5 дней, как того желал Жуков, ни через одну — две недели, ни позднее. Поведение военнослужащих советских войск стало также и реальной политической проблемой. Как отмечалось в приказе Главнокомандующего ГСОВГ № 063 от 3 августа 1945 г., «творимые безобразия и самовольства, особенно после войны, очень сильно компрометируют нас в глазах немцев-антифашистов и хорошо помогают фашистам вести против Красной Армии и Советского Правительства агитацию и клевету»¹. Приказ предписывал в числе прочих мер, направленных на усиление дисциплины в частях ГСОВГ, сократить до минимума увольнение и отпуска из расположения войск, запретить какие-либо «экскурсии» в Берлин, запретить ночлег военнослужащих в частных квартирах без разрешения комендантов. Двумя неделями позже Главнокомандующий Жуков заявил, что не остановится перед расстрелом «нескольких десятков тысяч людей» для наведения порядка в зоне оккупации (см. док. № 27).

И хотя некоторые военные комендатуры сообщали в своих отчетах, что воинская дисциплина в сентябре 1945 г. «по сравнению с августом месяцем коренным образом улучшилась»², отчетная статистика тем не менее показывала неуклонный рост числа военнослужащих, задержанных за пьянство, хулиганство, изнасилования и мародерство в масштабах всей Советской зоны: в августе — 860, в сентябре — 1094, в октябре — 2370 и в ноябре — 3306 чел³.

В конце 1945 г. случаев грабежей и убийств бургомистров, совершенных советскими военнослужащими, не становилось меньше. Только в ноябре 1945 г. было убито трое бургомистров: 13 ноября — бургомистр села Цико (р-н Цербст)⁴; в ночь с 19 на 20 ноября — член компартии, бургомистр деревни Тибсе (р-н Гримен)⁵; 25 ноября — бургомистр деревни Корбиц (р-н Лукенвальде)⁶.

Остановить бесчинства военнослужащих Красной Армии по отношению к населению оккупированных стран и уменьшить многочисленные нарушения воинской дисциплины было призвано постановление Пле-

¹ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 297. Л. 30–31.

² Так, например, говорилось в отчете УКС округа Штеттин за сентябрь 1945 г. (см.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 17. Л. 94).

³ Сведения приводятся из отчетов УКС ГСОВГ (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 1. Л. 8, 27–28, 99, 209–212). В отчетах, к сожалению, отсутствуют сведения о числе зарегистрированных происшествий и преступлений. Так что, с другой стороны, сам по себе рост числа задержанных мог свидетельствовать лишь об улучшении работы военных комендатур, когда все меньшему числу военнослужащих, творящих бесчинства, удавалось уйти от ответственности.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 395.

⁵ Там же. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 13. Л. 207.

⁶ Там же. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 70. Л. 252.

нума Верховного Суда СССР № 13/14/V от 27 ноября 1945 г. «Об ответственности военнослужащих оккупационных войск за совершенные ими преступления по законам военного времени»¹. Это постановление было разъяснено всему личному составу советских войск, дислоцированных за границей. Теперь за самовольную отлучку с места службы более 3 часов военнослужащих предавали суду Военного трибунала.

Политическая мотивация решительных мер СВАГ в 1945 г. по наведению порядка вполне очевидна. Ведь не только уборка урожая интересовала советское руководство. Дурное поведение красноармейцев стало фактором, существенно тормозящим, а порой сводящим на нет все усилия по советизации.

К декабрю 1946 г., когда письма немцев с жалобами на продолжающиеся бесчинства со стороны советских военнослужащих^{II} стали все больше раздражать И.А. Серова, он предпочел бороться не с причиной, а со следствием, обратив свой гнев на жалобщиков. Получив очередной доклад о поведении и настроениях немецкого населения, Серов учинил на нем грозную резолюцию: «Т.г. Горохову, Тюльпанову. Надо выбрать из каждой провинции по 2–3 провокационных письма об убийствах и др. и их авторов отдать под суд Военного трибунала, приговоры которых опубликовать в печати провинций»^{III}. Трудно сказать, было ли указание Серова неукоснительно исполнено. К тому времени он уже не командовал чекистскими органами в Германии, эта работа была поручена прибывшему в сентябре 1946 г. в Советскую зону заместителю министра госбезопасности СССР Н.К. Ковальчуку, назначенному на должность Уполномоченного МГБ в Германии. Ну а сам Серов в начале весны 1947 г. отбыл в СССР.

Увы, поведение советских военнослужащих и в последующие годы оставалось серьезной политической проблемой, создавая трудности в управлении Германией и помехи в деле советизации^{IV}. Так, например, в июле 1947 г. была разгромлена провинциальная партийная школа СЕПГ близ Луизенталя (округ Гота, Тюрингия). Три солдата 28 танкового полка во главе с офицером 13 июля «под угрозой оружия разломали помещение партшколы, сняли часть черепичной крыши, обшивку стен, вынули застекленные оконные рамы, разбили электроплафоны, взломали дверные замки»^V. В последующие дни — 16, 17 и 19 июля — военнослужащие продолжали ломать здания школы. Все полученные таким образом строительные материалы были вывезены «в неизвестном направлении». Как отмечал начальник политуправления СВАГ, «подвергшиеся разорению зда-

^I РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 1222. Л. 119.

^{II} Согласно докладом УКС ГСОВГ число задержанных за пьянство, хулиганство, изнасилования и мародерство в масштабах зоны и в конце 1946 г. оставалось стабильно высоким: в августе — 3849, в сентябре — 3336, в октябре — 3178 и в ноябре — 3411 чел. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 40. Л. 143–145, 219–221, 295, 350.)

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 55. Л. 377.

^{IV} Даже бургомистры — члены коммунистической партии порой заявляли: «Русские нам мешают проводить свою политику, скорее бы они ушли, ибо, кроме пьянства, грабежей и насилий, мы ничего от них не имеем» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 200. Л. 1).

^V ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 259.

ния партшколы СЕПГ были только что восстановлены и заново отремонтированы на средства партийной организации СЕПГ, и создание такой партшколы соответствовало интересам Советской Военной Администрации в Германии»^I. В директиве Управления комендантской службы СВАГ от 30 августа 1947 г. отмечалось, что «до сих пор в ряде комендатур имеет место пассивное регистрирование фактов убийств, грабежей, насилий, творимых по отношению к немецкому населению», и указывалось: «Быстрое и энергичное реагирование военных комендатур на всякое происшествие и принятие должных мер к пресечению всякого рода безобразий и бесчинств является решающим залогом к завоеванию симпатии немецкого населения и к дальнейшему демократическому преобразованию Германии»^{II}.

В 1946 г., как и в предыдущем 1945-м, одним из основных требований руководителей СВАГ к немецким административным органам оставалось выполнение сельскохозяйственных поставок для нужд армии и для вывоза в СССР. В 1946 г. в СССР случилась сильнейшая засуха, и урожай оказался крайне скудным. По распоряжению Сталина в «борьбу за хлеб» включились все члены Политбюро — осенью они разъехались по областям для форсирования хлебазаготовок^{III}.

В то же самое время, в октябре 1946 г., И.А. Серов выступил с предложением вывезти из Советской зоны оккупации Германии «излишки» продовольствия в СССР, отдельно коснувшись норм снабжения населения:

«Попутно следует доложить, что в адрес т. Соколовского от ЦК Социалистической Единой Партии получена просьба о том, чтобы немцев, получающих карточки по 4-й категории, перевести на 3-ю категорию. Каких-либо серьезных мотивов к этому не приводится. Таких немцев, которые получают карточки по 4-й категории и нигде не работают, насчитывается более 8 млн человек. Это потребует больших расходов хлебных ресурсов. Как заявил подполковник Шумилов, член Военного совета т. Бокков хочет частично поддержать эту просьбу^{IV}. Я считаю неправильной просьбу Социалистической Единой Партии, которая стремится завоевать авторитет народа мероприятиями за счет СВА, а не работой»^V.

Сталин с предложениями Серова согласился^{VI}. Вывоз продовольствия неизбежно отразился на и без того скудном снабжении немецкого населения. Это привело к массовому недовольству и серьезно осложнило работу немецкого самоуправления. Немцы справедливо винили в своих бедах не только советскую оккупационную власть, но и органы самоуправления и доминировавшую в зоне СЕПГ (см. док. № 58, 61). В начале 1947 г. Главноначальствующий СВАГ Соколовский счел необходимым обратиться с письмом к премьер-министрам земель и провинций Советской зоны.

^I Там же.

^{II} Там же. Оп. 9. Д. 57. Л.55.

^{III} Патоличев Н.С. Совестью своей не поступлюсь. М., 1995. С. 18–19.

^{IV} Читавший записку Серова Сталин, слева от этого абзаца написал: «Не поддерживать».

^V РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 53.

^{VI} Письма Серова и Сталина опубликованы: Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 252–256.

В нем он призывал закрепить «успехи» 1946 г., «обеспечить дальнейший подъем сельскохозяйственного производства» и сделать для этого в 1947 г. «все необходимое»¹. Накануне весеннего сева в марте 1947 г. обращение Соколовского зачитывалось и обсуждалось в местных органах власти, при этом советские кураторы пристально следили за реакцией немцев. Те, кто посмел выступить с критикой сельскохозяйственной программы, подвергались гонениям. Так, было принято решение о снятии с должности ландрата района Пренцлау Кицмана за высказанное им несогласие (см. док. № 127).

Серьезной проблемой для СВАГ стала необходимость реализации решений Берлинской конференции о проведении выборов немецких органов самоуправления. Только таким путем можно было придать легитимность сформированным ранее местным органам власти. Более того, уже в сентябре 1945 г. американская военная администрация объявила о проведении в своей зоне, начиная с января 1946 г., выборов в местные органы власти^{II}. Это известие вызвало беспокойство в руководстве СВАГ, тем более когда выяснилось, что результатом этих выборов стала победа ХДС. За кандидатов этой партии проголосовало около 40 % избирателей, за СДПГ — 25,7 %. Коммунисты же потерпели сокрушительное поражение: за кандидатов КПГ было отдано лишь 4 % голосов^{III}.

В Советской зоне первоначально выборы планировали провести в мае 1946 г.^{IV}, однако затеянная Москвой в апреле 1946 г. политическая комбинация по объединению КПГ и СДПГ отвлекла силы и не позволила этого сделать. Выборы были отложены на осень^V. Объединение коммунистов и социал-демократов, по замыслу кремлевских стратегов, было призвано расширить социальную базу левых и сыграть роль «народного фронта». Новой партии, получившей название СЕПГ и по сути являвшейся предвыборным блоком, следовало дать окрепнуть и преодолеть неизбежные внутренние противоречия.

Правда, 30 июня 1946 г. в Саксонии был организован референдум, который вызвал недовольство немцев, посчитавших его суррогатом выборов (см. док. № 37). На референдум был вынесен вполне очевидный вопрос об изъятии собственности крупных нацистов и ее передаче органам немецкого самоуправления. Речь шла о собственности, на которую уже был наложен секвестр приказами Главного начальствующего СВАГ, и этот вопрос и так казался решенным^{VI}. Тем не менее советская администрация рассматривала референдум как своеобразную пробу политических сил. Практика давления на избирателей вполне соответствовала советской политической традиции, и ее с легкостью переняли в СЕПГ. Как

^I ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 215. Л. 27–29.

^{II} Выборы должны были пройти в три этапа: в январе — общинные выборы, в апреле—мае — выборы в районные советы, а в конце 1946 — начале 1947 — в ландтаги (СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 778).

^{III} СССР и германский вопрос... Т. 2. М., 2000. С. 373.

^{IV} Там же. С. 778–779.

^V Там же. С. 376.

^{VI} Секвестр был наложен приказами Главного начальствующего № 124 от 30 октября и № 126 от 31 октября 1945 г. (СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов С. 55.)

осторожно отмечал политсоветник В.С. Семенов, перед референдумом «имелись случаи, когда отдельные сеповцы¹ в агитации применяли методы запугивания. Угрожали, например, тем, что если население не проголосует “да”, то в населенном пункте (деревне) будет расквартирован русский батальон, который придется кормить всем селом в течение продолжительного времени. Иногда аналогичные угрозы (р-н Баутцен) исходили также и от отдельных работников комендатур»^{II}.

Результат референдума вполне удовлетворил руководителей СВАГ: «за» проголосовало 77,7 % и «против» 16,5 % избирателей^{III}. Еще до того, как состоялся референдум, руководители Советской зоны стали готовиться к выборам в местные и земельные органы власти. Однако у них было своеобразное видение, каким должен был быть результат. Главнo-начальствующий СВАГ В.Д. Соколовский 18 июня 1946 г. выпустил специальное указание, в котором говорилось о «создании условий» для победы СЕПГ на предстоящих выборах и выдвигалась основная задача — «организационно-политическое укрепление СЕПГ». Соколовский прямо заявлял, что результаты выборов «будут считаться удовлетворительными лишь в том случае, если они дадут победу Социалистической единой партии» (см. док. № 36).

Конечно, руководители УСВА земель и провинций прекрасно понимали, что успех выборной кампании напрямую зависит «от порядка и прекращения бесчинств» (см. док. № 43). Командующий 1-й Гвардейской механизированной армией, он же начальник СВА земли Саксонии М.Е. Катуков накануне выборов издал специальный приказ «об обеспечении порядка на выборах», в котором запретил в дни выборов любое увольнение военнослужащих за пределы их частей и ввел усиленное патрулирование населенных пунктов (см. док. № 45).

Любопытна технология выборов в Советской зоне, разработанная в СВАГ. Здесь явственно видны примеры администрирования и подавления активности конкурирующих партий. Общинные выборы в земле Бранденбург, проведенные 15 сентября, принесли победу СЕПГ, и об этом в документах СВАГ говорилось откровенно и просто: «Сравнительно высокий процент (59,8) голосов, отданных за списки СЕПГ на общинных выборах, объясняется тем, что органам СВА земли удалось не допустить в 33 процентах общин выставления списков буржуазных партий»^{IV}.

О результатах состоявшихся 20 октября 1946 г. в Советской зоне выборов в ландтаги и крайстаги начальник Управления пропаганды СВАГ С.И. Тюльпанов составил докладную записку^V. Из приведенных в записке данных следовало, что СЕПГ собрала около 50 % голосов избирателей, и делался вывод, что такие итоги выборов «обеспечивают для СЕПГ руководящую роль»^{VI}. Отметив, что «буржуазные партии» получили половину

^I Речь идет о членах СЕПГ.

^{II} СССР и германский вопрос... Т. 2. М., 2000. С. 630.

^{III} СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов... С. 53.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.

^V Текст записки С.И. Тюльпанова от 18 ноября 1946 г. См.: СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 170–178.

^{VI} СССР и германский вопрос... Т. 3. С. 176.

мест в ландтагах и крайстагах, Тюльпанов, понимая, что грядущая зима неизбежно принесет трудности с продовольствием, предложил иезуитский ход — изменить тактику по отношению к политическим конкурентам СЕПГ, а именно: «больше привлекать эти партии к сотрудничеству с органами СВА и предоставить им больше постов в управлениях провинций, округов и районов, связанных со снабжением населения»¹. Тем самым планировалось политически дискредитировать и ослабить противников советизации, обратив против них недовольство и гнев населения. Однако, как позднее отмечал сам Тюльпанов, немцы остались твердыми в своих антипатиях: «Обстановка складывается таким образом, что население возлагает ответственность за создавшееся положение на СЕПГ, а органы немецкой власти, в которых состоят не только члены СЕПГ, остаются в стороне»^{II}.

Между тем прошедшие также 20 октября 1946 г. выборы в берлинские органы самоуправления (в городское и районные собрания) принесли СЕПГ сокрушительное поражение. В целом по Берлину СЕПГ получила лишь 19,8 %, а СДП — 48,7 %, ХДС — 22,1 % и ЛДП — 9,4 %^{III}. Самым печальным для СВАГ фактом было то, что даже в советском секторе Берлина (то есть в режиме наибольшего благоприятствования) СЕПГ смогла набрать только 29,9 % голосов (в американском — 12,6 %; в английском — 10,5 %; во французском — 21,1 %). И, хотя Советская администрация и СЕПГ прилагали колоссальные усилия для победы, все же в условиях свободного волеизъявления проявились и истинная степень влияния немецких коммунистов, и отсутствие у них реальной поддержки населения. Позднее в беседе со Сталиным^{IV} Гротеволь признавал: «Обширные идеологические мероприятия СЕПГ не оказали соответствующего действия в Берлине»^V. Не исключено, что неудача в Берлине, тогда как в землях и провинциях результат был для СВАГ и СЕПГ вполне приемлемым, запомнилась руководству Советской зоны надолго и заставила впредь не рисковать. Следующие местные выборы, которые должны были состояться через два года, в 1948 г., были отложены и причиной тому стала неуверенность в их «благоприятном» для СЕПГ исходе.

В апреле 1948 г., обеспокоенный политическими издержками нового витка демонтажа немецких предприятий и вывозом оборудования в СССР, Ульбрихт в беседах с советскими представителями хотел ясности и четкого ответа о политике Кремля в отношении Советской зоны:

«В конечном итоге хотелось бы знать, чего мы политически хотим. Я не против восстановления Советского Союза, но пусть будет во всех этих вопросах ясность. Давайте установим диктатуру пролетариата, и тогда все вопросы решать будет просто, и тов. Коваль будет всем распоряжаться.

^I Там же. С. 178.

^{II} Там же. С. 399.

^{III} Там же. С. 192.

^{IV} Встреча и беседа немецких руководителей со Сталиным в Кремле состоялась 31 января 1947 г. Текст записи беседы см.: СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 244–264.

^V СССР и германский вопрос... Т. 3. С. 256.

Но нельзя же при таких условиях требовать, чтобы мы играли в демократию и проводили парламентские выборы. При сложившихся условиях мы и в будущем году не сможем проводить выборов»^I.

Как видим, идея отложить выборы в органы местной власти в Советской зоне на более поздний срок давно витала в воздухе, но официально об их переносе было объявлено лишь в августе 1948 г. Это решение вызвало волну резкой критики. При этом ни для кого не было секретом, кто больше всего боится выборов и по чьей инициативе они отложены. В оперативной сводке Управления внутренних войск МГБ в Германии за август 1948 г. отмечалось:

«Главначальствующий СВАГ объявил об отсрочке выборов в местное самоуправление до осени 1949 г., для масс это была неожиданность, буржуазные партии в острой форме критикуют и говорят о “нарушении положений принятой конституции” — все считают, что это сделано по просьбе СЕПГ»^{II}.

Отдельную тему составляет чистка немецких административных органов от «реакционеров» и прочих «враждебных элементов». Здесь явно прослеживается противоречивость процесса денацификации в Советской зоне и его использование для упрочения власти СЕПГ. Причина заключалась в том, что советские лидеры совершенно иначе и с иным политическим подтекстом понимали, кто является «реакционером» и «врагом». И это понимание кардинальным образом отличалось от видения ситуации союзниками. Как вспоминал посол США в СССР Джорж Кеннан, Потсдамские соглашения произвели на него тяжелое впечатление. «Дело было не только в том, — писал Кеннан, — что я не верил в систему четырехстороннего контроля в управлении Германией, но и в том, что такие употребляемые в документах термины, как “демократический”, “миролюбивый” или “справедливый”, трактовались русскими по-своему, в таком смысле, который не совпадает с принятым у нас пониманием этих выражений»^{III}.

Кадровая чистка немецких административных органов и самоуправления проходила на основании директивы Контрольного совета в Германии № 24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и ответственных постов» от 12 января 1946 г.^{IV}

Свою отчетность по выполнению этой директивы во всей Советской оккупационной зоне, включая Берлин (по состоянию на 1 января 1947 г.), СССР представил в Контрольный совет^V:

^I СССР и германский вопрос... Т. 3. С. 663–664.

^{II} РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 332. Л. 220–221.

^{III} Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 168.

^{IV} Текст директивы см.: Сборник № 2 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным советом в Германии с 1 января по 31 марта 1946 г. Берлин: Изд. СВАГ, 1946. С. 83–105.

^V Здесь приводятся сведения только в отношении органов самоуправления, полиции, судов и прокуратуры. См.: Доклад Контрольного совета в Германии Совету Министров иностранных дел. Раздел 2. Денацификация. Берлин: Изд. СВАГ, 1947. С. 51.

Наименование учреждений и организаций	Смещено и уволено	Не допущено на работу	Временно оставлено на службе	Всего уволено и не допущено
Немецкие органы самоуправления	71385	12 186	8255	83 571
Полиция	13 702	11 911	139	25 613
Суды и прокуратура	8467	1351	74	9818

В докладной записке начальника правового отдела СВАГ Я.А. Карасева на имя Н.К. Ковальчука и П.М. Малькова 16 марта 1948 г. говорилось о том, что в соответствии с приказом № 201 Главного начальствующего СВАГ от 16 августа 1947 г., немецкими судами Советской зоны осуждено к тюремному заключению более 500 человек — «нацистских и военных преступников», которые уже отбывают наказание в тюрьмах земель, и суды продолжаются¹. Тем не менее, несмотря на столь внушительную работу, в ряде случаев, когда это было санкционировано советскими органами МГБ и, что называется, «в интересах дела», бывшие члены НСДАП использовались не только в немецком государственном, но и в партийных аппаратах. Так, в последующие годы не менее 39 нацистов сделали карьеру в информационном агентстве АДН и в отделе агитации и пропаганды ЦК СЕПГ¹¹.

В конце 1948 г. была затеяна кампания по сокращению немецкого государственного аппарата. Ее тайный смысл, помимо очевидной цели повышения эффективности управления экономической и административной сферами, заключался в продолжении чистки государственного аппарата от политически неугодных элементов и в «улучшении его партийного и классового состава»¹¹¹. Об этом прямо говорилось в донесении отдела гражданской администрации УСВА Тюрингии:

«Сокращение штатов привело к увеличению удельного веса СЕПГ в органах самоуправления с 36,9 до 42,9, т.е. на 5,4 %, и выходцев из рабочих и крестьян с 45,45 % до 56,2 %, т.е. на 10,57 %. Положительным является также тот факт, что, по неполным данным, из органов управления, в процессе сокращения штатов уволены и вычищены за антисоветские, анти-

¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 8. Л. 90–91. Более полные данные начальник УВД СВАГ П.М. Мальков 7 апреля 1948 г. сообщил в своей записке на имя заместителя Главного начальствующего СВАГ А.Ф. Кабанова и начальника правового отдела СВАГ Я.А. Карасева: «По состоянию на 25 февраля с.г. лиц этой категории осуждено 1120 человек. Кроме того, органами немецкой полиции уже заключено и направлено прокурорам для передачи по подсудности 2500 дел и находятся в производстве 5420 следственных дел» (там же, л.139).

¹¹ Карпов М. Список Визенталя // Совершенно секретно. 2003. № 5. С. 28.

¹¹¹ Позднее, в 1951 г., проводилась чистка государственных органов ГДР от лиц, ранее бывших в плену у союзников или занимавших в западных зонах мало-мальски значительные должности. Об этом свидетельствует заявление бывшего начальника отдела Генеральной дирекции водного транспорта ГДР: «В июне 1951 г. мне было сообщено моим непосредственным начальником, что на основании нового распоряжения никто, кто ранее был в плену у западных союзников, руководящих должностей в Германской Демократической Республике занимать не может» (ГА РФ. Р-7523. Оп. 76. Д. 162. Л. 139, 140).

демократические, настроения по другим политическим мотивам 1721 человек» (см. док. 254).

Точно так же в Саксонии из состава земельного правительства в результате сокращения было уволено 28,2 % членов ЛДП, 24,2 % членов ХДС, 22,6 % беспартийных и лишь 7,3 % членов СЕПГ¹.

Руководство СВАГ пристально наблюдало за работой ландтагов, контролировало их состав и при необходимости совместно с органами МГБ предпринимало усилия для изгнания оттуда неугодных лиц. Так, в отчете за первое полугодие 1949 г. о работе отдела гражданской администрации говорилось: «В составе ландтага Тюрингии заменено 8 выбывших по разным причинам депутатов, в том числе 2 из фракции СЕПГ (были заменены самой фракцией) и 6 из фракции ЛДП. В составе фракции ХДС за отчетный период изменений не произошло. В числе 6 депутатов ЛДП, которые выбыли за отчетный период, есть такие реакционеры, как доктор Эльстер, доктор Шумерус и доктор Маар. Два первых удалены из фракции ЛДП благодаря нашим совместным усилиям с отделом информации, последний арестован органами безопасности СВА Тюрингии. Двое из либералов бежали на запад»¹¹.

Довольно важной проблемой для руководства СВАГ было установление строгой подчиненности немецких земельных органов центральным управлениям. Заместитель политического советника СВАГ М.Г. Грибанов в январе 1948 г. с беспокойством писал о «самостоятельности» земель в Советской зоне, иллюстрируя это тем, что органы юстиции земель игнорируют указания зональных управлений. Грибанов полагал, что настало время серьезно заняться «очищением аппарата управления в центре и в землях от враждебных делу демократизации лиц, шкурников, спекулянтов и саботажников». «До сих пор, — писал он, — все пять министров юстиции в землях нашей зоны возглавляются руководящими деятелями ЛДП»¹¹¹. По сути, Грибанов выступил против «федерализма», предложив выстроить систему взаимоотношения центральных управлений в Берлине с властями земель, как между «иерархически подчиненными государственными органами». На деле это означало, как принято говорить в современной России, укрепление «вертикали власти». Движение в этом направлении в дальнейшем шло по нарастающей, и земли постепенно теряли самостоятельность, пока весной 1952 г. не были вовсе упразднены. Вместо них появились строго подчиненные центру 14 округов, не имевшие никаких признаков самостоятельности.

С первых же дней существования местного самоуправления его деятельность находилась под огнем критики населения. И причина заключалась не только в невозможности быстро покончить с последствиями войны, наладить снабжение населения и навести элементарный порядок на улицах. Созданные СВАГ немецкие административные органы были своего рода передаточным звеном, принимая на себя гнев и недовольство населения, зачастую (и не без оснований) боявшегося напрямую критиковать советские военные комендатуры. Однако и сам статус немецкого

¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 263. Л. 215.

¹¹ Там же. Ф. Р-7184. Оп.1. Д.136. Л.295.

¹¹¹ СССР и германский вопрос... Т. 3. С. 567.

самоуправления вызывал насмешки. Немцы говорили о том, что органы немецкого самоуправления «не имеют самостоятельности», а кроме того, и речи быть не может «о демократических началах в их деятельности», что «все высокопоставленные личности, магистраты есть не что иное, как, образно выражаясь, по-немецки говорящие русские!» (см. док. № 29).

Высшие руководители провинций и земель — президенты — персонально были утверждены в июле 1945 г. Жуковым¹. При этом назначенные ранее союзниками Г. Бриль в Тюрингии и Г. Есс в Мекленбурге были смещены со своих постов. Президенты представляли самые разные политические силы. Членами СДПГ были Р. Фридрихс (земля Саксония), В. Хеккер (Мекленбург) и К. Штейнхоф (Бранденбург), членом ДПГ — Р. Пауль (Тюрингия), членом ЛДП Э. Гюбнер (провинция Саксония). После образования СЕПГ Фридрихс, Хеккер и Штейнхоф стали членами этой партии. В нее же перешел и Пауль. Теперь, независимо от личных убеждений, все они вынуждены были выполнять волю партийного руководства СЕПГ. Однако по-разному сложилась их судьба.

После конфликта с руководством СЕПГ по поводу участия в Мюнхенском совещании премьер-министров земель¹¹ неожиданно 13 июня 1947 г. умер премьер-министр земли Саксония Р. Фридрихс. Как официально сообщалось, он умер после «непродолжительной болезни». Сразу же поползли слухи, что он был отравлен. Новым премьер-министром стал бывший член КПГ Макс Зейдевиц.

Тяготился своей ролью и несколько раз порывался уйти в отставку премьер-министр провинции Саксония Э. Гюбнер (см. док. № 70, 135, 251). Ему надоело быть ширмой коммунистических преобразований, проводимых узурпировавшей власть СЕПГ, и репрессивной политики советской госбезопасности. Гюбнер весьма открыто высказывался о репрессиях со стороны оперсектора МГБ: «...то что СВАГ с такими трудностями строит, стремясь морально завоевать немцев на свою сторону, — все это часто расстраивается одним арестом со стороны НКВД какого-либо немца и его бесследным исчезновением»¹¹¹. Гюбнер заявлял, что от него, члена ЛДП, нельзя требовать, чтобы он проводил линию СЕПГ, хотя он прекрасно понимал отведенную ему роль: «...я являюсь куклой, украшающей корабль, а не его капитаном или штурманом»¹¹².

Не выдержав, бежал на Запад из-под советской опеки премьер-министр Тюрингии Пауль. Начальник УСВА Колесниченко так и не разоб-

¹ С 1946 г. после выборов в ландтаги именовались премьер-министрами.

¹¹ В Мюнхене 6 июня 1947 г. по приглашению премьер-министра Баварии должны были собраться на конференцию руководители всех немецких земель. Первоначально руководство СЕПГ приняло приглашение, однако после указания Молотова из Москвы о «нецелесообразности» участия премьер-министров советской зоны в работе конференции, под давлением СВАГ лидеры СЕПГ направили в Мюнхен ряд заведомо невыполнимых условий. Премьер-министр Саксонии Фридрихс от имени всех земель Советской зоны вел переговоры с премьер-министром Баварии Эрхардом, был искренним сторонником поездки в Мюнхен и угрожал своей отставкой, если СВАГ этого не разрешит. (СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 387–390, 415, 737–741.)

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 64. Д. 2712. Л. 31.

¹¹² Там же. Л. 68.

рался в мотивах его бегства (см. док. № 213). Другие руководители УСВА земель также порой проявляли полное непонимание обстановки, не умея наладить более или менее уважительные отношения с премьер-министрами земель, сводили свой стиль руководства лишь к администрированию. Советские военные коменданты и руководители СВА не были готовы к гражданскому управлению на местах, слабо представляли себе немецкую специфику, а зачастую и просто были необразованными и малокультурными людьми. Даже лучшие из них, кто старался понять немцев, глубже вникнуть в их проблемы, были представителями другого мира. И здесь немалую роль играли существенные различия в культурных традициях и мировоззрении¹.

Не случайно в 1948 г. ЦК ВКП(б) обратил пристальное внимание на состав и деловые качества верхушки СВАГ. Готовилось решение о замене десяти руководящих работников. В июне 1948 г. на каждого отзываемого с работы были составлены подробные, а порой и беспощадные характеристики. Например, о начальнике правового отдела СВАГ Я.А. Карасеве говорилось: «Отделом руководит слабо. Беспринципен, малоинициативен. Контроль за органами юстиции и очистку их от нацистских и реакционных элементов проводит плохо. За три года отдел не подготовил ни одного серьезного мероприятия по переработке немецкого законодательства. В 1922 г. Карасев арестовывался органами ОГПУ за хранение и распространение нелегальной эсеровской литературы»^{II}. О начальнике УСВА Тюрингии И.С. Колесниченко говорилось: «Начал работой тяготиться. За последнее время допустил ряд ошибок. Допустил арест 19 бургомистров за невыполнение заготовок, зажим самокритики, недооценку роли полтаппарата. Проявил беспечность, проглядев бегство за границу премьер-министра земли Тюрингия — Пауля»^{III}. О начальнике УКС СВАГ

¹ Так, например, начальник УСВА Тюрингии И.С. Колесниченко порой не мог понять элементарных вещей. В начале 1946 г. президент Тюрингии Пауль трижды обращался к Колесниченко по поводу улучшения питания больных туберкулезом. Причем особой проблемой стало то, что органы соцобеспечения, руководствуясь приказом СВАГ от 25 июля 1945 г., согласно которому не разрешалось платить пособия и пенсии бывшим членам нацистской партии, отказывались оплачивать расходы на лечение бывших членов НСДАП, заболевших туберкулезом. Получив обращения Пауля, Колесниченко не решился самостоятельно что-либо предпринимать и лишь запросил начальника сектора здравоохранения: «Что по этому поводу говорят в Берлине?» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 11. Л. 173, 356, 357, 359). Точно так же не нашла понимания у Колесниченко и другая жалоба Пауля о приостановке с 1 декабря 1945 г. выплат пособий сиротам и вдовам нацистов и некоторым категориям нацистов, по старости или инвалидности не способных обеспечить себя. С просьбой проявить к ним милосердие к Паулю обратился епископ Тюрингской евангелической церкви (см. док. 98). В своем ответе Колесниченко, как истинный бюрократ, отметил общий перерасход средств на социальное обеспечение в земле и с возмущением указал на недопустимость вмешательства в это дело церкви, полагая, что надо подходить к этим вопросам «исходя не из моральных мотивов, а из реальных возможностей бюджета». Он подытожил свои рассуждения следующим образом: «В вопросах материального обеспечения людей должна соблюдаться социальная справедливость, а не религиозные догмы, и эту справедливость может осуществить государство, право, а не церковь» (см. док. 99).

^{II} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1720. Л. 123.

^{III} Там же. Л. 122.

С.Ф. Горохове: «За трехлетнюю работу в СВАГ к недостаткам привык. Злоупотребляет своим служебным положением в целях личного обогащения. Занимается барахольством, за что 5 марта 1948 г. получил партвзыскание — выговор»¹. А о начальнике УСВА земли Мекленбург Н.И. Труфанове, помимо сведений о том, что он бросил семью и «сошелся» с женщиной, работавшей в период оккупации у немцев, говорилось коротко и ясно: «Ограниченный человек, отнюдь не политик»². Тем не менее на руководящей работе в СВАГ все они остались. Более того, это не помешало, например, С.Ф. Горохову в августе 1948 г. занять высокую должность начальника Управления внутренних дел (УВД) СВАГ.

На «несерьезное» отношение МВД и МГБ СССР к подбору кадров, направляемых на работу в Германию, начальник УВД С.Ф. Горохов жаловался 25 мая 1949 г. в своем письме на имя Главноначальствующего В.И. Чуйкова и политсоветника В.С. Семенова: «В соответствии с решением ЦК ВКП(б), для укрепления Управления и отделов внутренних дел Советской Военной Администрации, в конце 1948 г. министерствами внутренних дел и государственной безопасности СССР было направлено в Германию 40 человек, из которых по несоответствию занимаемым должностям и аморальным поступкам откомандировано обратно 11 человек, и требуют немедленного откомандирования 4 человека». При этом, писал Горохов, управления кадров МВД и МГБ отказались дать им замену³.

Весьма важен вопрос о том, с какого момента проводимая Кремлем советизация Восточной Германии становится явной и необратимой. Об этом до сих пор ведутся довольно острые дискуссии, и это не случайно. Ведь если у Сталина с первых дней оккупации Германии было четкое намерение провести социалистические преобразования, это означает его заведомое пренебрежение обязательствами перед союзниками — США, Великобританией и Францией.

В этой связи не менее важно выяснить и сам момент начала со стороны СВАГ осмысленной политики советизации и превращения востока Германии в подобие СССР по экономическому и политическому укладу. Если говорить о первых шагах преобразований в Советской зоне, то важно знать, что делалось только лишь для удобства управления зоной, по привычке, т.е. без заранее выработанного в деталях социально-политического курса, и еще без отчетливого понимания, что подобная практика неизбежно ведет к узурпации власти одной партией, а в конечном счете к ее диктатуре, что могло быть действительно стратегическим планом в отношении будущего Германии.

Экономические преобразования в Советской зоне и отказ СВАГ от объединения усилий по управлению экономикой (или по крайней мере координации в сфере управления) с западными зонами делали невозможным будущее объединение зон оккупации. И это в противовес решениям Берлинской конференции, смысл которых сводился к тому, что, несмотря на существующие зоны оккупации, Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. Растущие различия в экономике зон оставляли для этого все меньше шансов.

¹ Там же. Л. 121.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 60. Д. 116. Л. 286–287.

Первые приметы социализации видны уже в мае—июле 1945 г. В Берлине власти района Пренцлауэр-Берг пытались отменить плату, взимаемую домовладельцами с жильцов, покушаясь таким образом на принцип частной собственности домовладений (см. док. № 11). Под жесткий контроль в Советской зоне была взята банковская система. Специальным секретным приказом заместителя Главного начальника СВАГ № 01 от 23 июля 1945 г. устанавливалось, что разрешение на открытие частных банков следует давать лишь «в крайнем случае»¹. В этом же ряду стоят и мероприятия по пролетаризации общества, когда большинство коммерческих училищ и учебных заведений, готовивших клерков, подлежало закрытию, а обучающихся в них детей следовало определить в ремесленные школы по строительным специальностям — каменщиков, маляров, штукатуров, плотников, слесарей и т.п.¹¹

Еще одной особенностью советской экономической политики в Германии был и беспрецедентный масштаб вывоза оборудования промышленных предприятий — т.н. «демонтаж». Он обрекал Советскую зону на долгие годы экономической слабости. И тут даже не столь уж важно, в каком направлении хотел двигаться Сталин: объединять Германию на принципах буржуазной демократии или устанавливать в ее советской части социализм. И в том и в другом случае было неразумно и вредно доводить ситуацию до экономического краха и продовольственных затруднений. Рациональней было бы подкрепить «немецкий социализм» ростом и стабильностью экономики. Но все происходило как раз наоборот. Хищническое начало советской имперской политики (забрать как можно больше) боролось с доктриной марксистско-ленинского «мессианства» (дать немецкому народу «счастье» социалистических преобразований)¹¹¹.

¹ Там же. Оп. 7. Д. 10. Л. 1—7.

¹¹ Это породило немало семейных трагедий, и в ноябре — декабре 1946 г. немцы писали об этом в письмах. Так, в письме, адресованном в английскую зону, одна немка писала о своей дочери: «...Рената доставляла мне много радости своей учебой в школе, но она, по всей вероятности, должна будет стать ученицей—каменщицей. По приказу русских около 300 учеников и учениц должны быть взяты из школы для обучения профессии каменщиков». Другая немка просила своих родственников из американской зоны узнать, может ли ее сын продолжить там учебу: «...у Эриха нет никакого стремления к другой профессии, кроме как к профессии конторского служащего». В одном из писем говорилось, что «в Тюрингии свыше 10 000 учащихся из торговых школ исключены». А многие учащиеся всерьез задумались о переезде на Запад: «Я бы охотнее переехала жить к тебе, так как здесь живется не очень хорошо. К тому же нас всех сняли с учебы и перевели туда, где мы нужны русским. По приказу СВА остальные учащиеся торговой школы тоже уволены. В прошлые времена учащиеся торговых школ были вынуждены стать военными, а теперь эти господа пользуются такими же методами, только с небольшим изменением» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 9. Л. 145—148).

¹¹¹ Историки давно обратили внимание на противоречивость советской политики и находили этому объяснение в соперничестве неких группировок в советском руководстве и наличии двух стратегий. Так, Борис Майсснер полагал, что одни делали упор на получение репараций, и для них советизация Германии играла лишь побочную роль; для других важнее всего были идеи «мировой революции» и захват власти коммунистами. (См.: Meissner Boris. *Russland, die Westmaechte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1943—1953*. Hamburg, 1953. S. 81.)

Сиюминутные цели советской оккупационной политики в Германии откровенно сформулировал Главноначальствующий СВАГ маршал Г.К. Жуков 16 августа 1945 г. в своей речи перед руководителями УСВА земель и провинций. Начав с того, что «мы гости здесь не вечные», он заявил: «Нам нужно быстрее вывезти все, что нужно вывезти в счет покрытия издержек войны», пояснив это благоприятным психологическим моментом — пока немцы «ошарашены финалом войны» (см. док. № 27). Объективно получалось, что первые годы оккупации Германии советское руководство сделало все, чтобы затруднить себе же жизнь в дальнейшем.

Представляется, что общий замысел Сталина заключался в создании просоветского блока из занятых Красной Армией стран Восточной Европы и восточной части Германии. Разумеется, речь уже не шла, как в 1920-е годы о «мировой революции» или о мировом господстве коммунизма. Скорее всего, этот процесс следует понимать как желание гарантированно включить эти страны в зону советских интересов и создать своеобразный «пояс безопасности» к западу от СССР.

При этом Сталину виделся наиболее верный и надежный путь превращения этих стран в сателлиты СССР посредством проведения односторонних с советскими (и притом обязательно необратимых) социально-экономических преобразований. То есть советизация в данном случае была не целью, а лишь наиболее эффективным средством накрепко привязать эти страны к СССР. И она являлась, по сути, новым типом колонизации — «советским неокOLONиализмом»¹.

Не случайно по прошествии двух десятилетий после Второй мировой войны действительно статусу стран советского блока будет найдено вполне точное определение — «ограниченный суверенитет»¹¹. В странах Восточной Европы к власти были приведены «карманные» партии, во главе которых стояли надежные и послушные Сталину функционеры.

Смысл преобразований в странах Восточного блока, теоретическое обоснование этого процесса и его конечная цель были предельно ясно сформулированы в докладе А.А. Жданова 25 сентября 1947 г. на Информационном совещании представителей коммунистических партий в Польше. Отметив, что в Югославии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Албании была проведена аграрная реформа, приведшая к «ликвидации класса помещиков», национализирована крупная промышленность и банки, Жданов сообщил, что тем самым: «была заложена основа государственной общенародной собственности, был создан новый

¹ Как отмечают историки, в этом смысле «историографический спор о том, что преобладало в германской позиции Сталина — идеологические установки на расширение мировой системы социализма или внешнеполитические расчеты на обеспечение безопасности СССР, можно считать беспредметными. Они обуславливали друг друга, и менять одно на другое не имело никакого смысла. Даже маленький германский социализм обеспечивал Советской армии надежный плацдарм в центре Европы» (Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 170.).

¹¹ Этот термин появился после ввода в 1968 г. в Чехословакию советских войск. Принцип вассальной зависимости стран Восточного блока от московского руководства западные политологи назвали «доктриной Брежнева».

тип государства — народная республика, где власть принадлежит народу, крупная промышленность, транспорт и банки принадлежат государству и ведущей силой является блок трудящихся классов населения во главе с рабочим классом. В итоге народы этих стран не только избавились от тисков империализма, но закладывают основу перехода на путь социалистического развития»¹.

Положения доклада Жданова — это официальная точка зрения кремлевской верхушки. Его текст был просмотрен и одобрен Сталиным накануне совещания^{II}. Таким образом, были четко сформулированы главные признаки, или критерии, по которым определялось, принадлежит ли то или иное государство к странам «народной демократии», и можно видеть, какое реальное наполнение имеет термин «советизация», то есть какие социально-политические преобразования, по мнению Москвы, гарантируют переход на путь социалистического развития.

Совокупность проводимых с 1945 г. в Восточной Германии мероприятий не оставляет сомнений в том, что они четко и заданно шли в русле советизации, ломали традиционный уклад жизни, носили, по сути, революционный характер. Путь социальных преобразований, который Советский Союз прошел за двадцать предвоенных лет, Советская зона Германии преодолела за пять — семь. С первых шагов — земельная реформа, заключавшаяся в разделе помещичьих угодий превышавших размерами 100 гектаров^{III}. Такой своего рода российский 1917 год с лозунгом: «землю — крестьянам». Форсирование процесса начнется через два года с нападок на успевших разбогатеть крестьян^{IV}, а уже через пять-семь лет грянет и сама коллективизация. Осень 1945 г., помимо земельной реформы, принесла и продовольственную разверстку, проводимую методами военного коммунизма. Военные коменданты со всей решимостью были готовы применять крайние меры против не желающих сдавать собранный уро-

^I Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 153.

^{II} Кроме того, Жданов непосредственно получил инструкции от находящегося в отпуске Сталина, выехав к нему на юг. Об этом свидетельствуют их совместные телеграммы в Москву остальным членам Политбюро от 17 и 20 сентября 1947 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 106).

^{III} Сталин в присутствии Серова, принимая в Кремле немецких руководителей 4 июня 1945 г., лично распорядился «форсировать земельную реформу» (Филитов А.М. СССР и Германский вопрос: поворотные пункты. 1941–1961 гг. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей. М., 2003. С. 231). На этом приеме у Сталина были Ульбрихт, Аккерман и Сobotтка (Исторический архив. 1996. № 4. С. 103).

^{IV} В 1948 г. на двух пленумах Центрального правления СЕПГ Ульбрихт выступил с нападками на зажиточных крестьян, назвав их «кулаками». Новые веяния в политике правящей СЕПГ не остались без внимания руководителей других партий. Член ЛДП — премьер-министр Саксонии-Ангальт Гюбенер в беседе с заместителем Главного начальствующего СВАГ А.Ф. Кабановым в декабре 1948 г. честно заявил, что он не хочет быть «либеральной ширмой сеповской политики», пояснив, что «взятый СЕПГ курс на превращение ее в партию нового типа» и «объявленное Ульбрихтом антикулацкое движение, поддерживаемое советскими офицерами» убедило его уйти в отставку. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 64. Д. 2712. Л. 30.)

жай. Немцы, несогласные с проводимой в Советской зоне аграрной политикой, жестоко наказывались¹.

В 1945–1948 гг. была проведена социальная чистка немецкого общества, хотя и не в таком демонстративном и явном виде, каким был «большой террор» 1937–1938 гг. в СССР. Просто десятки тысяч немцев — заключенных спецлагерей НКВД—МВД в Германии уморили голодом и болезнями^{II}. При этом Сталин был совершенно равнодушен к сообщениям об их ужасающем положении. Он помнил, что в этих лагерях содержались разного уровня руководящие работники Третьего рейха и члены их семей. Многие объясняет высказанная им как бы в шутку на обеде с союзниками в Тегеране мысль о том, что все могущество армии Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов: «Если этих людей выловить и расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем»^{III}. Примерно то же Сталин мог думать и о погибающих в спецлагерях немецких чиновниках, промышленниках и интеллигенции, некогда «составлявших могущество» прежнего государства.

Но наряду со всем этим вполне очевидно и желание Кремля скрыть свои истинные намерения в отношении Восточной Германии, двигаться к своей цели скрытно и не давать повод для критики и обвинений в том, что СЕПГ — «русская партия». В декабре 1948 г. Сталин поучал немецких руководителей, что «СЕПГ лучше будет подчеркивать свою самостоятельность по отношению к Москве», так как «не следует давать новые аргументы врагам»^{IV}, а в апреле 1952 г., призывая вести наступление на «кулаков» и создавать колхозы, он советовал тем не менее «лавировать и маскироваться в отношении средних слоев», добавив, что «кричать о социализме не нужно»^V.

Вместе с тем копирование советского опыта и методов наблюдалось во всем^{VI}. Так, земельная реформа неизбежно сопровождалась репрессиями, и

^I Лица «злостно уклоняющиеся от выполнения обязательной сдачи сельскохозяйственных продуктов» привлекались к ответственности согласно приказу Главного начальствующего СВАГ 160 от 3 декабря 1945 г. «Об ответственности за саботаж и диверсионные акты», который предусматривал наказание до 15 лет каторжной тюрьмы, а в «особо тяжких случаях» — и смертную казнь. (Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Авторы — В.В. Захаров, Д.Н. Филипповых, М. Хайнеман. Под ред. А.В. Окоророва. Выпуск 1. М., 1999. С. 198–199.)

^{II} За четыре года, с мая 1945 г. по май 1949 г., в спецлагерях НКВД—МВД в Германии умерло 41 907 немецких граждан, что составило примерно 35% от общего числа немцев, находившихся в них (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 364. Л. 200).

^{III} Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 354.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 104. Л. 77.

^V В ходе беседы Ульбрихт, памятуя, что раньше Сталин высказывался против колхозов, спросил: а как же прежняя линия? Сталин ответил: «Кричать о социализме не нужно и теперь. Производственные кооперативы есть кусочки социализма. Народные предприятия — это тоже социализм» — и посоветовал пока колхозами их не называть. Ульбрихт высказал опасение, что при организации колхозов «часть кулаков перебежит на запад». Сталин парировал: «А что в этом плохого? Вы возьмете их землю» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 104. Л. 182–185).

^{VI} Некоторые историки полагают, что советизация «не являлась односторонним переносом советской модели на восточногерманские отношения, а большей частью добровольным введением этой модели немецкими коммунистами в целях обеспечения собственной власти и господства» (Michael Lemke, *Einheit oder Sozialismus? Die Deutschlandpolitik der SED 1949–1961*. Koeln, 2001. S. 503).

бывшие землевладельцы подвергались выселению. Для оправдания этой меры нашлось и обоснование. Начальник управления сельского хозяйства и лесоводства СВАГ А.Ф. Кабанов 12 августа 1947 г. сообщал заместителю Главного начальствующего СВАГ М.И. Дратвину и политсоветнику В.С. Семенову о том, что часть бывших владельцев имений «вмешивается в хозяйственные дела и ведет систематическую агитацию против земельной реформы», а сам по себе факт их проживания на территории своих прежних владений или в ближайших общинах и городах «вселяет в новых крестьян, получивших землю по земельной реформе, неуверенность в стабильности своего положения и порождает нездоровые политические настроения»¹. Кабанов посчитал необходимым «дать указания военным комендантам проверить, кто из бывших землевладельцев проживает вблизи принадлежавших им прежде имений, и выселить их через немецкие полицейские органы за пределы уезда», добавив, что «эта мера практиковалась в отношении помещиков в 1945–1946 гг. и дала более положительные результаты, чем выселение бывших землевладельцев на остров Рюген»¹¹. Предложение Кабанова встретило полное понимание и одобрение со стороны Дратвина, который 16 августа 1947 г. наложил на письме резолюцию: «Согласен. Дать указания начальникам УСВА земель»¹¹¹.

Немецкое население довольно быстро разобралось в особенностях политики, проводимой в Советской зоне оккупации, и не питало никаких иллюзий относительно будущего (см. док. № 37, 58). Когда в ноябре 1945 г. в результате уточнения демаркационной линии из британской в Советскую зону передавались 13 населенных пунктов, их жители не захотели оказаться в Советской зоне и, забрав вещи и скот, ушли на запад. При этом советская сторона, не желая признать очевидное, обвинила англичан в том, что они «запугивали» население и, что ими «почти полностью уведено население и прекращена хозяйственная жизнь 13 сел»^{1V}. В селе Дехов из 37 семей осталось только две^V.

Печать в Советской зоне была монополизирована СЕПГ. Единственным способом выражения собственного мнения оставались листовки. В 1946 г. в листовках немцы писали об отсутствии «элементарных политических прав — свободы слова, собраний и печати» и протестовали против «большевизации» (см. док. № 37). При этом в официальной периодике, обслуживающей интересы правящей СЕПГ, без усталости писалось о подавлении свобод и «разгуле реакции» в западных зонах. Это вызывало язвительные реплики читателей. Так, читатель «Лейпцигер Фольксцайтунг» в апреле 1947 г. написал в газету возмущенное письмо, в котором спрашивал, наберется ли газета смелости «сделать вопрос о праве рабочих на забастовку предметом дискуссии», и добавил: «Я не думаю. Вы так много

¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 57. Л. 36.

¹¹ Там же.

¹¹¹ Там же. Соответствующая директива всем начальникам УСВА о выселении за подписью Дратвина была разослана 18 августа 1947 г. Согласно этой директиве до 1 сентября 1947 г. подлежали выселению вместе с семьями бывшие помещичьи управляющие и владельцы конфискованных имений, проживающие в своих бывших владениях или поблизости от них. Выселяемым предоставлялось право выбрать новое местожительство, но за пределами уезда, где было расположено конфискованное имение. При этом для некоторой категории бывших помещичьих управляющих (но не для владельцев) было сделано исключение. Выселению не подлежали те из них, «которые на деле доказали лояльное отношение к земельной реформе». (Там же. Л. 37.)

^{1V} ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 32. Л. 462.

^V Там же. Л. 487.

пишете всегда о положении в Советском Союзе. А как обстоит там дело с правом забастовок? Вероятно, его там не существует, ибо на одном лейпцигском предприятии “благородные” русские заявили, что они поставят к стенке любого, кто осмелится бастовать». Обращаясь к редакции, читатель с сарказмом писал: «Сегодня, как некогда при Геббельсе, приходится читать только Ваше мнение»¹.

Была и еще одна интересная особенность германской политики Сталина. Новым тактическим приемом стало разыгрывание «национальной карты». В условиях блоковой политики декларативный интернационализм, с точки зрения Сталина, уже не мог дать реальных плодов. Расширению базы советского влияния и проникновения могла, и притом вполне эффективно, помочь националистическая риторика. Вполне уместным было поощрение националистических настроений и потакание любым формам «национальной гордости», лишь бы вывести европейские страны из-под влияния США.

В январе 1947 г. на встрече с немецкими руководителями Сталин рассуждал вслух: «...были же в фашистской партии патриотические элементы» и «их надо завербовать на свою сторону», после чего прямо предложил оторопевшим руководителям СЕПГ «создать для бывших нацистов какую-то партию, которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии»¹¹. Это, дескать, помогло бы «нейтрализовать» бывших фашистов и, таким образом, уменьшить базу «реакции»¹¹¹. «Это проблема тактики, — поучал Сталин, — ничего непринципиального или беспринципиального в этом нет»¹¹¹¹. Удивленный Пик спросил: «Как может разрешить такую партию Советская военная администрация в Германии?» Сталин засмеялся и ответил, что он «постарается, чтобы такую партию разрешили» и пояснил: «Ее можно назвать “национал-демократической партией” или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит. Так можно будет разложить тот лагерь, который собирается вокруг англичан и американцев»¹¹¹¹¹. Несмотря на сталинский нажим, руководители СЕПГ долго сомневались, стоит ли создавать партию, которая может стать их реальным конкурентом¹¹¹¹¹¹. Мысль об исполь-

¹ Там же. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 198. Л. 193.

¹¹ СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 251–252.

¹¹¹ «Реакционеров нельзя пускать в новую партию, но только патриотов и неактивных фашистов. Речь идет о рабочих, интеллигенции, крестьянах», — пояснял Сталин. (СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 253.)

¹¹¹¹ СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 252.

¹¹¹¹¹ Там же.

¹¹¹¹¹¹ В августе 1947 г. В.С. Семенов писал в МИД СССР о том, что в условиях резких возражений СЕПГ против создания новой партии следует для начала издавать для «патриотов» из бывшей НСДАП хотя бы газету под названием «Националь-цайтунг» (СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 456–458). 22 марта 1948 г. газета под таким названием стала выходить в Берлине (там же, с. 674), а в мае 1948 г. В.С. Семенов и С.И. Тюльпанов прилагали усилия по созданию Национально-демократической партии Германии (НДПГ), обеспечивая в ней «руководящую роль со стороны специально подобранных членов СЕПГ и близко стоящих к ней лиц, в частности, из числа недавно вернувшихся из советского плена» (там же, с. 674–676). Критики СЕПГ моментально разгадали этот маневр и открыто говорили, что НДПГ — «вассальная партия» и ее создание «дело рук самой СЕПГ» (там же.). В полном соответствии с рецептом Сталина, эта партия и в последующие годы объединяла «в основном часть средних слоев населения, в том числе бывших военнослужащих гитлеровской армии и бывших рядовых членов нацистской партии» (Справочник пропагандиста-международника. М., 1967. С. 94). По состоянию на 1967 г. в ней насчитывалось 90 тыс. членов (там же.). НДПГ сошла с политической сцены вместе с СЕПГ. В 1990-х годах под этим названием возникла новая партия.

зовании «национального принципа» для разрыхления западного блока не оставила Сталина и стала лейтмотивом его последней публичной речи, произнесенной на XIX съезде КПСС¹.

С самого начала советской оккупации Коммунистическая партия Германии ставила для себя «стратегическую задачу — довести до конца под руководством рабочего класса буржуазно-демократическую революцию, полностью искоренить империализм, милитаризм и нацизм, создать единую, миролюбивую, антифашистскую и демократическую республику»^{II}. Этот мотив прозвучал в заявлениях лидеров КПГ 11 июня и ЦК СДПГ 15 июня 1945 г. Причем главной задачей немецкие коммунисты считали «сплочение рабочего класса на марксистско-ленинской основе»^{III}. Конечная цель этого сплочения им виделась в духе догматов марксизма-ленинизма, то есть вполне по-советски. Как позднее отмечал Ульбрихт:

«Уже в процессе борьбы за ликвидацию империализма и создание антифашистско-демократического строя следовало не упускать из виду задачи перехода к выполнению исторической миссии рабочего класса — социалистического переустройства общества.

Было достигнуто понимание того, что речь идет не о поисках “особого, немецкого пути к социализму”. Задача состояла скорее в правильном применении в сложившихся условиях страны учения Маркса, Энгельса и Ленина, примера социализма, созданного Великой Октябрьской социалистической революцией»^{IV}.

Ему вторил и С.И. Тюльпанов. Поспешность социализации, форсирование экономических преобразований в Советской зоне и возникавшие вследствие этого эксцессы объяснялись им просто: «Чтобы не пропустить исключительно благоприятный исторический момент, который возник в связи с разгромом германского империализма, нужно было действовать твердо и непримиримо»^V.

Разумеется, немецкие коммунисты пользовались всецелой поддержкой со стороны руководства СВАГ. 16 августа 1945 г. в своей речи перед руководителями УСВА земель и провинций Главного начальствующий СВАГ Г.К. Жуков отверг тезис о равной поддержке всех демократиче-

¹ Обращаясь к представителям коммунистических и рабочих партий, присутствующих на съезде, Сталин высказался вполне определенно: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации». (Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М., 1952. С. 12–13.)

^{II} Ульбрихт В. Исторические достижения Социалистической единой партии Германии // Коммунист. 1971. № 6. С. 115.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. С. 115–116.

^V Тюльпанов С. Товарищ Вильгельм // Неделя. 1976. 5–11 января.

ских партий, четко обозначив линию действия — «не в ущерб коммунистической партии», дав понять, что его симпатии на стороне коммунистов (см. док. № 27).

Но такие откровения можно было услышать лишь во внутреннем кругу чиновников СВАГ. Публично и особенно на переговорах с союзниками лидеры восточной зоны, например В.Д. Соколовский, демагогически заявляли о «равном» отношении ко всем партиям.

В апреле 1947 г. в беседе с Тюльпановым председатель ХДС в Советской зоне Я. Кайзер, желая знать мнение информированного собеседника, осторожно поинтересовался в форме полувопроса: «Русские ведь действительно могут желать только демократизации Германии, а не большевизации ее». Тюльпанов отмолчался¹.

Вместе с тем все официальные и рассчитанные на пропагандистский эффект внешнеполитические инициативы СССР строго выдержаны в духе курса на «мирное объединение Германии», ее «демилитаризацию» и «демократический» статус. При выработке директив по вопросу о судьбах Германии в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1946 г. (П52/143-оп) четко говорилось: «Мы против расчленения Германии»¹¹.

В этом смысле характерно замечание Сталина к проекту немецкой конституции. Молотов 13 ноября 1946 г. одобрил положения конституции, находясь в Нью-Йорке, и рекомендовал утвердить их решением Политбюро ЦК ВКП(б)¹¹¹. Однако в телеграмме из Москвы на имя Соколовского и Семенова по поводу отсутствия в проекте конституции поста президента республики появилось замечание несомненно продиктованное Сталиным:

«Повторять советский принцип в этом отношении не следует ввиду различия в общественном и политическом строе СССР и Германии и ввиду нежелательности критики с обвинениями, что в этом пункте имеется подражание СССР»¹¹¹¹.

В отношении к проводимым преобразованиям в Германии, как полагают некоторые историки, в сознании Сталина одновременно существовали «программа-минимум» (обособление и советизация востока Германии) и «программа-максимум» (мирный договор с единой Германией)¹¹¹¹¹. Тем не менее к началу 1948 г. явственно обозначился разрыв между этими программными целями. Понимая неизбежность раскола Германии, Сталин хотел прочно зафиксировать здесь советское присутствие, четко обозначив его цель: «Запад из западной Германии сделает свое, а мы из восточной Германии свое государство!»¹¹¹¹¹¹.

¹ СССР и германский вопрос... Т. 3. М., 2003. С. 379.

¹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 705. Л. 1–4.

¹¹¹ СССР и германский вопрос... Т. 3. С. 20.

¹¹¹¹ Там же. С. 179.

¹¹¹¹¹ Волков В.К. Узловые проблемы... С. 137.

¹¹¹¹¹¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 110. Речь идет о встрече Джиласа со Сталиным 16 января 1948 г. (См.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 64.)

Осенью 1948 г. Пик, Гротеволь и Ульбрихт пожелали поехать в Москву и встретиться со Сталиным. Об этом В.С. Семенов сообщил наверх. Текст его телеграммы был направлен Сталину 5 ноября 1948 г. В ней говорилось о том, что немецкие руководители в беседе с Соколовским сообщили о предстоящей конференции СЕПГ, перед которой они желали бы узнать у Сталина, правильно ли руководство СЕПГ оценивает обстановку и «какова вероятность оформления Советской зоны в самостоятельное государство со своим парламентом и правительством в ближайшее время»^I.

Встреча и беседа немецких руководителей со Сталиным состоялась в Кремле 18 декабря 1948 г. На этой встрече Пик поставил вопрос об образовании немецкого правительства в Советской зоне, оговорив при этом условие, что оно будет создано только после западногерманского. Сталин, похвалив немцев за то, что они не хотят быть «инициаторами раскола», дал согласие на создание «правительства в Берлине»^{II}. В ходе обсуждения процедуры создания правительства было решено, что после образования из представителей ландтагов Народной палаты она будет в состоянии сформировать правительство и вынести его состав на утверждение Немецким Народным Советом. Сталин при этом подчеркнул, что «в правительстве должны участвовать главные руководящие лица партии. Правительство должно быть авторитетным, в нем должны быть авторитетные люди, иначе скажут, что это не настоящее правительство, поскольку главные люди в него не вошли»^{III}. При этом в ходе беседы Сталин напомнил немецким руководителям свою идею о пути к социализму «не прямо, а зигзагами и обходными движениями, ибо условия в Германии тяжелые и они диктуют более осторожную политику». При этом Сталин шутя заметил, что «он в данном случае на старости лет стал оппортунистом»^{IV}.

Зато единственным марксистом в СВАГ оказался начальник УСВА земли Тюрингия И.С. Колесниченко. Он отличился тем, что в 1948 г. на совещании комендантов, их заместителей и начальников отделений информации земли Тюрингия отстаивал тезис о том, что «в Германии мы строим не вообще миролюбивую демократическую республику, а социалистическую республику», и обвинил СЕПГ в «заигрывании с буржуазными партиями», заявив при этом: «Надо разжигать классовую борьбу, а не лавировать между буржуазными партиями»^V.

Официальный представитель Главного политуправления Вооруженных Сил СССР, проверявший работу Управления информации СВАГ в июле 1948 г., расценил высказывания Колесниченко как «левацкие»^{VI}. Однако именно Колесниченко пользовался расположением первого заместителя заведующего внешнеполитическим отделом ЦК ВКП(б)

^I РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 110. Л. 145. Находящийся на юге Сталин, по-видимому, с этим сообщением ознакомился, но каких-либо резолюций на тексте не сделал.

^{II} Волков В.К. Узловые проблемы... С. 135.

^{III} Там же. С. 136.

^{IV} Там же. С. 135.

^V СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов... С. 219.

^{VI} Там же.

Б.Н. Пономарева (будущего секретаря ЦК КПСС, отвечавшего при Брежнев за все международные контакты с коммунистическими партиями капиталистических стран), и именно Пономареву Колесниченко направил свой объемный документ с соображениями и наблюдениями (порой довольно точными и дельными) о политике СВАГ в Германии (см. док. № 156).

В то же время отличавшийся умеренностью С.И. Тюльпанов, по должности ответственный за всю немецкую политическую жизнь в Советской зоне, впал в немилость, и все тот же Б.Н. Пономарев долго помнил о его «ошибках»^I. Несогласие с проводимой Тюльпановым линией открыто выражал и уполномоченный МГБ в Германии Н.К. Ковальчук. Этот конфликт стоил Тюльпанову карьеры^{II}.

19 сентября 1949 г. Пик, Ульбрихт и Гротеволь обратились с письмом к Сталину. Главным вопросом письма было «образование временного немецкого правительства в Советской оккупационной зоне». Пик, Ульбрихт и Гротеволь видели эту процедуру следующей: правительство «должно быть образовано в первой половине октября в течение одной недели», существующий Народный Совет будет преобразован во Временную Народную Палату, которая объявит законом уже принятую Конституцию, примет решение о создании Палаты земель из 35 представителей 5 земель, а затем на совместном заседании Народной Палаты и Палаты земель будет избран Президент Республики. «Министра-президента, — писали далее Пик, Ульбрихт и Гротеволь, — выдвигает согласно Конституции сильнейшая фракция, каковой является СЕПГ. Министр-президент представляет Народной Палате временное правительство и зачитывает заявление правительства»^{III}. В этом заявлении, по соображениям немецких лидеров, следовало объявить, что «Правительство предпримет шаги для того, чтобы Советская военная администрация в Германии была превращена в Советскую контрольную комиссию с передачей функций управления правительству Германской Демократической Республики»^{IV}. Здесь же Пик, Ульбрихт и Гротеволь поясняли, что «не должно быть сделано заявления о признании Западного правительства»^V. Правительство ГДР должно было состоять из 18 членов (министра-президента, трех его замов и 14 министров), из них 8 должны были быть членами СЕПГ, а остальные 10 — членами других партий. Роли были распределены заранее: Президентом Республики должен был стать Вильгельм Пик, Министром-президентом Отто Гротеволь, а его заместителями Вальтер Ульбрихт (СЕПГ), Отто Нушке (ХДС) и Герман Кастнер (ЛДП)^{VI}.

Сталин рассмотрел письмо Пика, Ульбрихта и Гротеволья и продиктовал на его основе «предложение», которое и было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 28 сентября 1949 г. (П71/236-оп). В этом решении Политбю-

^I Там же. С. 236–238.

^{II} Там же.

^{III} АП РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 808. Л. 34–38.

^{IV} Там же.

^V Там же.

^{VI} Там же.

ро о предложениях Пика, Ульбрихта и Гротевоя сталинским слогом было сказано: «Считать приемлемыми». Будущую процедуру образования ГДР Сталин дополнил одним эффектным пропагандистским элементом: «Считать необходимым после принятия Немецким Народным Советом решения об образовании Временного Правительства ГДР выступление тов. Чуйкова по поручению Советского Правительства с заявлением о согласии СССР с решением Немецкого Народного Совета» и указать, что правительству ГДР «передаются функции управления, принадлежавшие до сего времени СВАГ», вместо которого будет создан СКК¹.

¹ Там же. Л. 12.